

Юрий Сурнов

ЗНАКИ

Юрий Смирнов

Юрий Смирнов

ЗНАКИ

СТИХИ

Москва-Советский писатель-1980

Юрий Васильевич Смирнов (1933—1978) учился в Ленинградском Высшем инженерно-техническом училище, служил на Северном флоте. В 1959 году закончил Московский институт инженеров гражданского строительства им. Моссовета. Многие годы работал инженером-строителем.

Первые публикации стихов Юрия Смирнова относятся к началу 60-х годов. Три книги, выпущенные им («Обруч» — «Советский писатель», 1969, «Времена года» — «Советский писатель», 1974, «День рождения» — «Молодая гвардия», 1976), обратили на себя внимание читателей и критики. Их отличали настойчивое стремление поэта раскрыть многообразие духовного мира современника, высокая культура стиха.

Книга «Знаки» состоит из двух разделов. В первый вошли стихотворения, отобранные самим поэтом для издания отдельным сборником. Во втором разделе публикуются произведения Юрия Смирнова разных лет, найденные в архиве поэта после его смерти и доселе не публиковавшиеся.

Книга подготовлена к изданию Комиссией по литературному наследию Юрия Смирнова.

Художник *Валерий ЛОКШИН*

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я люблю поэзию Юрия Смирнова.

Мне нравится в нем сочетание неутраченной детской свежести восприятия с глубиной мысли и богатством ассоциаций. Стихи Ю. Смирнова одновременно цельны и разнообразны.

Стилистическая неуязвимость счастливо сочетается в них с одухотворяющей небрежностью.

Гёте считал, что художник проявляет себя в тех границах, которые он сам ставит своему таланту. Иначе это иногда называют чувством меры. И это чувство мы находим в стихах Юрия Смирнова. Он не жертвует главным ради второстепенного, он не поддается на соблазны, которыми так богата поэзия,— соблазн бряцания звуками, соблазн поверхностных афоризмов, соблазн преувеличенной избыточной образности. Образ в его поэзии не только свеж и точен, но, что самое важное, он расширительный. Он как алгебраический двучлен, где вторая часть больше первой.

Поэзия есть лучшее, что человек может дать, что он может сказать. Стихи Ю. Смирнова не содержат в себе житейских наркотиков, они правдивы, немно-

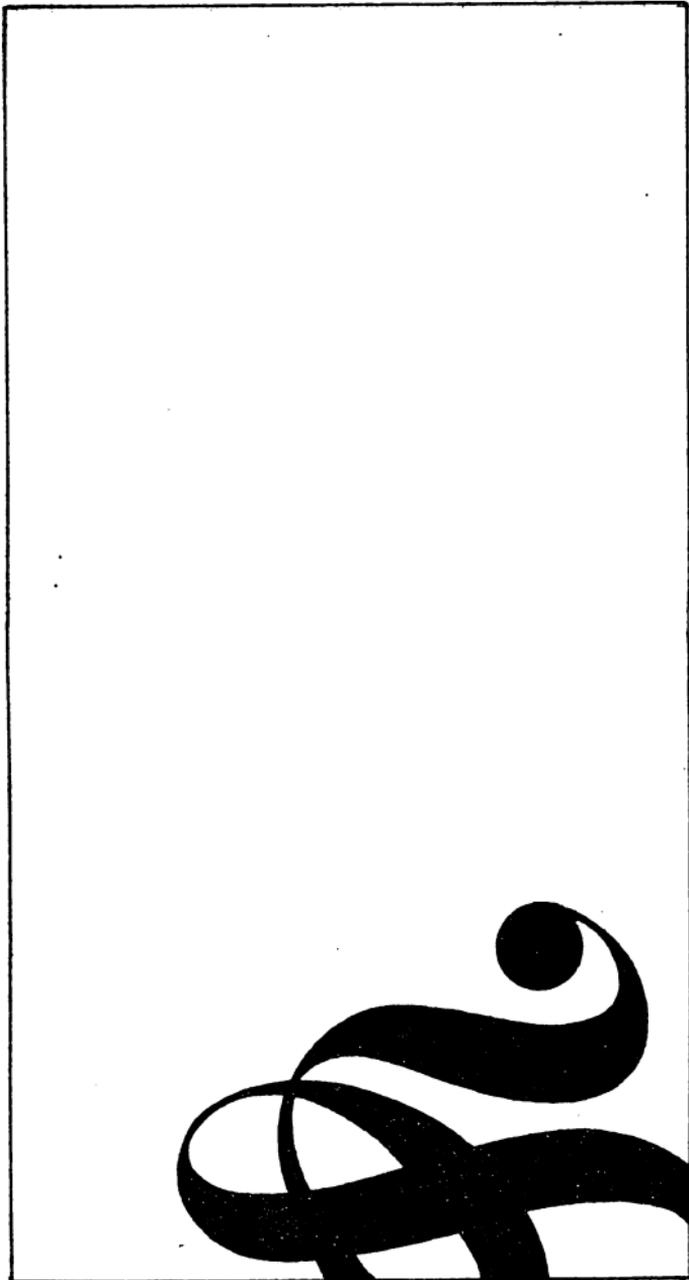
гословны, выверены врожденным инстинктом лаконизма.

А самое существенное — это то, что в поэзии Ю. Смирнова образ — все стихотворение. Это, может быть, больше всего говорит о художественной зрелости поэта.

Я не хочу писать о Юрии Смирнове в прошедшем времени. Поэт ушел, но его новые стихи остались на рабочем столе и как бы догнали «очередную» книгу.

Лев Славин

1

* * *

За февралем, как за холмом,
Долины вешние.
Еще не говорят о том
Приметы внешние.

Еще укутана страна
Колючей вьюгою.
Она гудела дотемна
Морозной фугою.

Пока не говорят о том
Приметы внешние,
Что скоро тронутся гуртом
Сугробы снежные.

Еще ощерилась зима
Клыками, бивнями.
Но оседают терема,
Их смоем ливнями.

Над крышей грянет первый гром
И над скворешнею.
Пускай еще молчат о том
Приметы внешние.

* * *

Полярный круг железным обручем
Макушку глобуса сдавил.
Здесь ночью небосвод безоблачен,
Увешан гроздьями светил.

А на исходе на прощание
(Я видел раннею весной)
Переливается сияние
Муаровой голубизной.

Придумать можно ли нелепее? —
Почти полгода длится ночь.
На звездное великолепие
Уж никому глядеть невмочь.

Напяливши бушлаты ватные,
На вымерзшем краю земли
Под ветра пение надсадное
Мы на работу молча шли.

Пускай отнюдь не магистральную,
То через топь, то через падь
Я строил здесь дорогу дальнюю,
Которой воротился вспять.

И опыт мой геодезический,
Хоть он и был в то время мал,
Но все же на глазах практически
Здесь очертанья принимал.

Вдоль берега дугою плавною
Легли стальные колеи.
Казалось мне, я понял главное
В те годы юные мои.

Залива воды стекловидные
Буксиры вспарывали, и
За ними корабли солидные
Тела могучие влекли.

* * *

Вхожу в прохладные подъезды,
В скрипучих лифтах возношусь.
Снимаю верхние одежды.
В пустые зеркала гляжусь.

Меня приветливо встречают.
Я говорю на злобу дня,
И это после огорчает
И даже мучает меня.

Я ухожу. Мои движенья
В стекле зеленом, как вода,
Как будто длинные растенья
Колышутся на дне пруда.

Над обжитым объемом комнат
Звезда на нитке голубой
О беспредельности напомнит,
О долге быть самим собой.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТНЕМ САДЕ

Ты раннюю помнишь побудку —
Серебряный звонкий свисток,
Когда ты срывался, как будто
Все тело пронизывал ток?

С отлаженностью механизма
Доспехи свои надевал.
А в стрельчатость окон, как в призму,
Рассвет ленинградский втекал.

Бежала девятая рота
По стертým торцам мостовой.
Вот — век, что читал Дидерота
(Когда-то прочтем мы с тобой?),

И каллиграфичность ограды
Слегка суховата, за ней
Осеннего Летнего сада
Разрежены купы аллей.

Мелодия старых курантов,
И неба молочная синь,
И строй полуголых курсантов
Среди обнаженных богинь.

* * *

Перья, кисти
Должны сберечь
Вечных истин
Прямую речь.

Телом бренен
Любой из нас.
Делу — время,
Потехе — час.

Кратки сроки,
Трудись за двух.
Дел высоких
Нетленен дух.

Все границы
Пересечет,
Растворится,
Но не умрет.

Предки жили
И на заре
Так хранили
Огонь в костре.

* * *

Художник Каналетто,
Писавший в старину,
Был суховат, но это
Не ставь ему в вину.

Когда охоты нету
Глядеть на белый свет,
Картину Каналетто
Повесь в свой кабинет.

Не выходя из дома,
Вдали от суеты
Ты жизни незнакомой
Разглядывай черты.

Вот городская площадь
И ратуши портал,
Крыш чешую топорщит
Купеческий квартал.

Вельможа едет цугом
На черной шестерне,
Две женщины друг с другом
Судачат в стороне.

Старуха у фонтана,
Крестьянские возы,
Два бравых капитана
И шельма из Ганзы.

А на переднем плане
Кибитка, и видна
В малиновом кафтане
Форейтора спина...

Теперь бы критик грозный
Художника сразил
За то, что скрупулезно
Он все изобразил.

Ах, если б знал он, бедный,
Что старый жанр погиб
И шествует победно
Слепой дагерротип.

А я гляжу на площадь,
На каменный портал...
Как будто бы на ощупь
Когда-то здесь плутал.

Но болтовня все это,
Забудь про мой совет:
Коль нету кабинета —
И Каналетто нет.

Теперь стихом свободным расскажу,
Какой конфуз со мною приключился.

В то утро я отметки проверял
На железнодорожном полотне.
Глядел в трубу почти как Лаперуз
И цифры заносил в тетрадку,
Производя нехитрые расчеты.
А нерадивый парень, тот, что рейку
Держал, все время норовил отлынить,
Залезть в расселину, чтоб там
Спокойно полежать на солнцепеке.
Мы препирались с ним на языке,
Далеком от литературного.
Я был разгорячен и не заметил,
Как со своей блистательною свитой
Чиновников различных степеней,
Прорабов и начальников участков
Возник внезапно главный инженер
Всего, что возводилось в этом крае.
Его существование для меня
Не более реальным было,
Чем жизнь мифического персонажа.
О нем все знали больше понаслышке.
Легенды о его суровом нраве
По Северу за ним перемещались
И, может, даже впереди него.
И наконец его увидел я,
Остолбенел и голос потерял.

Мифический герой был ростом мал,
Скорей плюгав, и только взгляд печальный
Свинцовой тяжестью ложился.
Без вводных слов он вдруг спросил меня,
Как правильность проверить нивелира.
А я стоял как вкопанный, молчал...
Секунды зрели, как плоды в саду.
Они как будто соком наливались
Пред тем, как в вечность оборваться...
Начальник мой, что в свите находился,
Надулся и пыхтел, вращал глазами,
Стараясь подсказать.
Так барышни в провинции стреляли
Глазами — в угол — на пол — на предмет.
Но я молчал... «Где взяли инструмент? —
Все тот же тихий голос инженера.—
Так вот, его обратно отнесите».
И двинулся не торопясь по трассе.
Шагать мне было двадцать километров
До дальнего участка и назад.
Трубу на бархат в ящик уложил,
Свинтил треногу и пошел.
Мне повезло,— наверно, треть пути
Проехал на попутных самосвалах.

* * *

Хвала учителям,
Что взяли нас в науку!
Навек запомнить нам
Тяжелую их руку.

Колючие слова,
Как их ни больно слушать,
Залогом мастерства
Дальнейшего послужат.

Учителям хвала,
Чье мнение пристрастно.
Им подавай дела,
А болтовня напрасна.

Пусть меряют они
Высокой самой меркой.
Ты гордость загони,
Как черта в табакерку.

* * *

На глаз искривлена
Земля. Краюхой хлеба
В огонь закатный неба
Врезается она.

Трудами полня дни,
Ты все же на досуге
В блаженстве и испуге
На небеса взгляни.

И сопряги в себе
Вселенной ипостаси,
Как музыкант в экстазе
Трубу и звук в трубе.

Как в лучезарный день
Сопряжена с предметом,
Простым весьма при этом
Причудливая тень.

Пишите, юные поэты,
Пока потребность в этом есть.
Письма достойные предметы
Едва ли можно перечесть.

Стихи естественны, как выдох,
Лишь вдохновение придет.
Вы не ищите бóльших выгод,
Чем то, что вам оно дает.

Но, юность, как ты скоротечна!
Понаторевши в ремесле,
Вы осознаете:
Беспечно
Жить очень трудно на земле.

Наступит горькое мгновенье,
Когда готовы закричать:
— Ну для чего мне вдохновенье,
Коль рукопись нельзя продать?..

Беспечно жить — удел не многих
(И это крест скорей, чем грех)
Блаженных странников, убогих.
Больших поэтов. Но не всех.

Есть слова на бумаге,
Их сумей прочитать.
Сколько нужно отваги,
Чтобы их начертать.

Сердцу милые строчки
Возникали в тиши,
Словно атомы — точки —
Расщепленной души.

Мастер, кончивший дело,
И рассеян и тих,
Удалился несмело,
Их оставил одних.

Эти черные знаки
На холодном снегу —
То ль пехота в атаке,
Что кричит на бегу,

Или вдов вереница
В те бесхлебные дни...
Но прислушайся — птица,
Ты ее не спугни.

* * *

Таврические звезды низко.
Разбилась млечная струя.
В душистой пене тамариска
Раздался голос соловья.

И прочие замолкли птахи,
Что раньше напрягали грудь,
Как будто пребывая в страхе,
Чтобы солиста не спугнуть.

Колена взял как подобает...
Что это? Песня или стон?
Ведь он от страсти погибает,
Но как при этом изощрен.

Вулкана зúбчаты края,
Как крепостные стены.
Едва ль не сверстник бытия
Он солнечной системы.

Его слепая сила недр
Однажды пробудила,
И лава толщей в километр
Окрестности покрыла.

Ландшафт менялся на глазах,
Как складки мятой ткани,
А в задымленных небесах,
Светясь, висели камни.

И судорогой сведены
Граниты и базальты.
Гул исходил из глубины —
Глубокое контральто.

В громах и содроганье тел
Природа пребывала.
Ей прежний облик надоел,
Она его меняла.

...Вулкана старого нутро
Заполнено водою.
Вином торгуют и ситро
В палатках под горою.

Коль над горою облака,
Вам скажут старожилы,
Что будет дождь наверняка.
Да так оно и было.

* * *

По направленью к Феодосии
Ползет гора Хамелеон.
В скупой палитре крымской осени
Преобладает полутон.

Все реже встретишь обитателей
Вблизи береговой черты.
И только катера спасателей
Так жизнерадостно желты.

Над Святою горою курится туман.
Море камни на берег выносит.
Пробный вылет свершил журавлей караван,
Скоро милую родину бросит.

Ну, чего он найдет там — среди выжженных скал
И палящего мертвого зноя?
В тростниках крокодил затаился.

Шакал

Тихо плачет порою ночью.

На могильнике древнем на белых костях
Гриф застыл в ожиданье добычи.
Но ровнее построился птичий косяк
И курлычет, курлычет, курлычет.

Птицам надо лететь. Приближенье зимы
Гонит их. Велики расстоянья...
Что пернатые нам? Только чувствуем мы
В сердце нашем печаль расставанья.

Караван улетает. Прощай, караван!
Розовеет в лучах оперенье.
Коли надо лететь, так поверьте в обман
Про свободную волю паренья.

ДЕРЕВЬЯ

Во времени другом живут деревья.
Им не понятна жизнь, что мы ведем,
И наши бесконечные кочевья,
И то, что называем мы трудом.

Забот не зная о насущном хлебе,
Ушли в себя, в раздумье, забытье.
Стоят в веках, веселым птицам в небе
Гостеприимство предложив свое.

В их жизни не бывает потрясений.
Их мысли величавы и просты,
Когда порой промозглою осенней
Они роняют желтые листья.

И, солнечные ритмы отмечая,
Спокойно доживают долгий век,
С поднятою главою смерть встречая,
Которую несет им человек.

...Вновь бой часов. Куда мы и откуда?
Но гордый разум смел на скорый суд.
Скрипят деревья. Будет очень худо,
Когда они, безмолвные, уйдут.

* * *

Рыжая осень. По склонам
Листьев кленовых следы.
И над теченьем студеным
Словно повисли сады.

В этом разгуле багрянца,
Золота и желтизны
Люди — почти иностранцы
Из очень трезвой страны.

На павильоне садовом,
Ветхом, подкрашенном вновь,—
Смыслом наполнено новым:
Тося и Митя — Любовь.

Тут посреди беспорядка
Надпись у всех на виду...
Буйная роскошь упадка,—
Осень в Нескучном саду.

Возле темной Яузы,
Где пустырь пока,
После долгой паузы
Я сказал: — Пока...

Заскользил по наледи
С глаз твоих долой,
Только бы не на люди,
Только не домой.

В сумраке печальном
Голые кусты.
Снегом госпитальным
Занесло пустырь.

Канут годы быстрые,
И на месте том
Кто-нибудь да выстроит
Настоящий дом.

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

Лесная дача академии.
Дубы стоят, как академики.

И порыжевшие шинели
Не скинут сумрачные ели.
А где реликтовые сосны,
Сентябрьское повисло солнце.

Листва опала не затем ли,
Чтоб от мороза спрятать землю.

И стопкой чеков магазинных
На каблуках листки осины...

Идем с тобой по парку долго
И что-то говорим без толку.

Всего, что подступило разом,
Объять не в силах бедный разум.

Сквозь ветви, сквозь рога оленя
Пятнисто тянется аллея.

Есть игра: угадайте — кто я?
На стекле запотевшем след...
Дилижанс... Циклотрон... Гойя...
Трехколесный велосипед...

Нет. Сейчас я — запасный выход.
В театре старый спектакль идет.
Слышу шепот: «Моня, ваш выход.
Шевелитесь же, идиот...»

Я пылюсь в тесноте надстроек.
Тускло светит красный фонарь.
И пожарник (морально не стоек)
Спит, бесхитростный как букварь.

Я томлюсь. Мне давно известен
Небогатый репертуар,
Треугольник, который извечен.
Ну, когда же будет пожар?!

Вспыхнут чьи-то шлейфы и брюки
И, как будто бы от огня,
Театрально вздымая руки,
Героиня вбежит в меня.

Облегчение. Долгий выдох.
Разговоры — по чьей вине...
Но мгновенье — и я не выход,
Декорация на стене.

Театр — жаровней! Пламя окрепло,
Рвется вверх, органом трубя...
Я — надежда в горсточке пепла,
Что останется от тебя.

М. К.

Вы верите в переселенье душ?
Не верите? И я не верил тоже
В период околачиванья груш,
Беспечности, коль выразиться строже.

...Однажды заглянув в твои глаза,
Я вспомнил, что видал тебя когда-то:
Из темной щели вытекла гюрза
На фоне красноперого заката.

...Однажды заглянув в глаза твои,
Я неказистую увидел птаху.
Пред нею разливались соловьи
И погибали от любви без страху.

...Когда я заглянул в твои глаза,
То понял, что от гнева не укрыться.
На мягких лапах двигалась гроза —
Детенышей укрывшая тигрица.

...Когда я заглянул в твои глаза,
Открылся мне движенья ход подводный
В том облике, что описать нельзя,
В бесформенности массы первородной.
Она переливалась и текла,
Захватывая новые пределы,

Лучи вбирая света и тепла,
Вздымалась, пузырилась, булькотела.

Вы скажете: «Сей муж объелся груш,
Ему бы языком плести рогожи».
Вы верите в переселенье душ?
Не верите? И я не верил тоже.

* * *

Солнце выкатилось яро
В мир пушисто голубой.
От дыханья клубы пара,
Дым над крышами трубой.

Эта славная погода,
Смех, и удаль, и блины
В духе нашего народа
И сердечной старины.

Ты стоишь, рукой махая,
На блистающей горе,
Жизнь как радость понимая
От участия в игре.

На закате, пламенея,
Лавой залит огневой,
Запад гибнет, как Помпея,
Миг — и он подернут мглой.

* * *

Цветок что багряная рваная рана .
От пули.
Без тела, сама по себе — это странно.
Смекнули?

Лишь тянется тоненький членистый стебель
К бутону.
На листиках ворс синеватый, как пепел,
По тону.

Цветок с понимающей срезал ухмылкой
Садовник.
По улице шумной пронес его пылкий
Любовник.

И путь молчаливый, короткий обидно
Закончен.
Но вы опечалены этим, как видно,
Не оччень.

* * *

Зрачки — два тоннеля,
Два долгих тоннеля несчастья
На лице чернели.
Мир взорван, расколот на части.

Расходятся льдины,
И материки, и созвездья.
Немного картинно,
Но так наступило возмездье.

Трясина и бездна —
Все то, что казалось твердью.
Мольбы бесполезны,
Ведь трещина где-то в предсердье.

* * *

Простился лес легко
С листвою опавшей.
И видно далеко
Над голой пашней.

Земля белым-бела,
Белее мела.
Спасибо, что была,
Как птица пела.

* * *

Платиновое солнце
В тонких повисло ветвях.
На чистом снегу январском
Длинные тени легли.

Серый бесхвостый голубь
Душою парит в небесах,
Серый бесхвостый голубь
Низко летит у земли.

* * *

Я чувствую себя горой
Железисто-магнитной,
Покрытой каменной корой —
Базальтовой, гранитной.

Мне скулы жесткие свело,
И складчатые щеки
Навек утратили тепло.
К чему ж твои упреки?

Ведь сон мой каменный глубок,
Пошевелиться больно.
И только слабый огонек
Мигает в дальней штольне.

ЯНВАРЬ

Крещенские морозы
Принес январь.
И щеки, словно розы,
Цветут, как встарь.

Сугробы у обочин,
Кругом снега
Напоминают очень
Собой стога.

А в синеве молочной
Косматый шар —
Почти вишневый, точно
Из печки жар.

Не выхожу из дома,
Гляжу в окно.
Мне все вокруг знакомо
Давным-давно.

Вот дровяного склада
Глухой забор —
Подобие посада,
Еще б дозор.

Распиленные ровно,
Белей, чем мел,
Березовые бревна —
Как груды тел...

Услышу пилорамы
Высокий звук.
Обыденность как драму
Пойму не вдруг.

Январь нам возместил сполна
Дожди чеканною монетой.
Его мохнатая спина
Бенгальским вспыхивает светом

Предшественников отчитал,
Что в меланхолии раскисли.
Опустошил речной причал
В прямом и переносном смысле.

Собой довольный, задымил
Из труб, имевшихся в наличье,
И этим куревом затмил
Небес поблекшее величие.

...Окно. Кирпичная стена.
На ней лежат косые тени.
Еще страница прочтена,
Упала книжка на колени.

Опять затихла до весны
С ее овражною зевотой
Борьба глухая повизны
С привязанностью и заботой.

* * *

Пронизана холодным светом
Молочная голубизна.
В свои права, по всем приметам,
Вступает ранняя весна.

И вдруг с особой остротою
Поймешь ты, что прошла зима,
Что шаг один — и за чертою
Вновь все вокруг сойдет с ума.

Ручьи набухнут, хлынут воды,
Проснутся первые цветы.
На этом празднике природы
Спокоен будешь только ты.

На миг почувствовав тревогу,
Не станешь голову терять.
Все это было, слава богу,
Зачем же снова повторять?

М. К.

Жизнь проходит незаметно
Час за часом, день за днем.
Свет холодный предрассветный
Возникает за окном.

В этой смене дня и ночи
Нет начала и конца.
С каждым мигом путь короче
Простака и хитреца.

Эти мысли неизбежно
Посещают в ранний час.
Неумно и небезгрешно
Прожил жизнь я в этот раз.

Где-то на другой планете
И в другие времена
Позабуду стены эти,
Бледное пятно окна.

Но средь доблестных деяний
В жизни праведной иной
Вдруг предстанет, как в тумане,
Предо мною образ твой.

Любите свой очаг.
Жену свою любите —
С улыбкою в очах,
Крикливую — в обиде.

Когда царит она
Средь лука и укропа
Иль, пробудясь от сна,
Покажется растрепой.

Ты просто близкий друг
Трагической актрисы,
Ввиду былых заслуг
Допущен за кулисы.

А коль тепло свое
Нести ты призван людям,
То начинай с нее,
Хоть этот шаг и труден.

* * *

У илистой излуки
Лягушка перед сном
Выдавливала звуки
Резиновым нутром.

Как будто через силу,
С натугою, захлеб.
От певческого пылу
У ней глаза на лоб!

О чем из тьмы болотной,
Пупырчат, полорот,
Уродец земноводный
Оповещал народ?

О сладострастной муке
И радости своей
Он квакал у излуки —
Болотный соловей.

Звон в ушах от тишины.
Струны все напряжены:

Корабельные канаты;
Тросы подвесных мостов;
Паутина синевато
Протянулась меж стволов;

И Амура тетива
Сдерживаема едва;

Вот веревки бельевые;
Нити дальних передач;
Плавно выгнуты кривые
Баллистических задач;

Тянет тонкий поводок
Дьяволоподобный дог.

Тужатся кариатиды,
Голый подобрал живот.
Кружится праща Давида —
Камень вылетит вот-вот.

* * *

Умирают солдаты
Весною от ран,
Когда солнце стучится
В окно по утрам.

...Кто-то умер,
Но это в порядке вещей.
Есть рентгеновский снимок
И справка врачей.

На плечах его
Знаков различия нет.
Он в костюме свой единственный
Старый одет.

Над могилой его
Не стреляют войска,
Командиры не держат
Руки у виска.

Невиновному мне
Не уйти от вины
Перед всеми убитыми
После войны.

А иные считали,
Что участь легка,
Повстречавши его
У пивного ларька...

В. Эглицу

Этот долг я оттягивал сколько возможно,
Только — хочешь не хочешь — плати.
И слова сквозь кордоны, минуя таможни,
Контрабандные ищут пути.
Голос разума шепчет тягуче и нудно:
— Ну зачем тебя тени зовут?
По статистике люди гибнут ежесекундно,
Миллиарды, однако, живут.
Людам радость нужна, словно хлеб или воздух,
Ну хотя бы голодный паек.
В нашем деле печатном
Оптимизм — это остов,
От печали какой будет прок? —
Только это не прихоть меланхолии черной.
Просвещенному слава уму!
Но рыдает статистик,
Как мужик неученый,
Когда смерть в дом приходит к нему.
Как железна земля непогожего марта —
Без прогрева лопата нейдет.
Что ж он плачет,
Не вспомнит про свои миллиарды,
Утешения в них не найдет?
Миллиарды бесплотны на ощупь, безлики,
Осязаемы только умом.
Ум любви не научит. Расплываются блики
Пред глазами в пространстве пустом.

Двадцатилетние гиганты
Стройны, спортивны, загорелы,
В широких клешах и цветных рубахах.
Переросли родителей своих,
Корпящих в бухгалтериях, конторах
Иль перемазанных в мазуте.
Уже теперь вас большинство. А скоро
Средь вас затерянные старики
Аукаться начнут между собою,
Как в лесу.
Доверчиво глядите вы вперед,
И локоны до плеч колеблет ветер.
Добры, горды. Несправедливость кожей
Вы ощущаете. Готовы тут же
С ней в бой вступить. Вам помыслов высоких
Не занимать. О смутных идеалах
Вы можете беседовать всю ночь.
Мир молодеет. Захлестнет его
Волна двадцатилетних.
Пусть аналогия небезупречна,
Но так Европу захлестнули гунны.
Грядущий мир запальчивости юной,
Мир честности свирепой, чистоты,
Как будет не хватать тебе притворства,
Чтоб на земле порядок сохранить.

* * *

Век меняется бурно,
И все туже спираль.
Сантименты, котурны
Где-то в прошлом. А жаль.

Победили реальность
И расчет без затей
Милую театральность
Старомодных людей.

Их поклон куртуазный
Да и сами они
Выглядят несуразно
Средь людской толкотни.

И уходят неспешно
По дороге крутой,
Приседая потешно
И махая рукой.

АПРЕЛЬ СОРОК ПЯТОГО

Цветочный ряд. Тишинский рынок.
Аляповатый цвет картинок,
В мешочках белых семена.
Они по виду неказисты —
Черны, бугорчаты, землисты,
Роскошны только имена.

Черны хозяйки их, старушки,
Стоят прижатые друг к дружке,
Роняют мудрые слова.
Повыгорели их салопы.
А над Восточную Европой
Апрельской силы синева.

Забудем скоро мы о снеге,
Петуний, сальвий, аквилегий
Имея пред глазами вид.
Средь толчеи базарной, спешки,
Как идол, сидя на тележке,
Тихонько едет инвалид.

Он в очередь встает степенно
В ряду, где деньгам знают цену,
Где дух расчета не ослаб.
Старуха, расстегнув шубейку,
Покорно достает копейку
Рукой коричневой, как краб.

У старой прохудилась кровля,
Копеечна ее торговля,
А осенью дожди польют.
Когда подаст медяк старуха,
Об истинном величье духа
На небе ангелы поют.

ШАМПИНЬОНЫ

По соседству с магазином
«Папиросы и табак»,
Преграждая путь машинам,
Собралась толпа зевак.

На Арбате шампиньоны
Рвут асфальта кожуру!
Их суют в плащи пижоны,
Участковый — в кобуру.

Отчего со страшной силой
На поверхность вдруг полез
С виду немощный и хилый
Этот гриб-деликатес?

Тут назад тому лет двести,
До пожаров и холер,
Было славное поместье,
Ложной классики пример.

И совсем еще девчонка,
То капризна, то нежна,
С белозубым арапчиком
Забавлялася княжна.

Не один улан московский
Быть хотел «ея рабом».
Стихотворец Третьяковский
Ей стишки вписал в альбом.

Два столетия спят уланы,
Спит прелестная княжна...
В вышине глаголют краны
Про иные времена.

Дом в приход Наполеона
Был спален. Стоит другой.
Только лезут шампиньоны
Из арбатской мостовой!

Видно, нечто боевое
В анемичном есть грибе.
Непременно все живое
Пробивает путь себе.

А когда мне представился случай,
Я сомненья развеял, как дым,
И прошел по карнизу над кручей,
Добрый гением, видно, храним.

На высотах ни яблонь, ни вишен.
Горный воздух разрежен и чист,
Электричеством грозным насыщен,
Как слюда в утюге, он слоист.

И с отбитыми напрочь руками
Рядом с холодом синих снегов
Темнолицы безмолвные камни,
Словно идолы древних веков.

Им не страшен пронзительный холод
И блистанья грозы не страшны,
Хоть, случается, череп расколот
И гранитные мысли видны.

Мох, похожий на розовый иней,
Лбы их темные разрисовал.
Но однажды под грохот глубинный
Их низвергнет в долину обвал.

Вместе с грязью, с разбухшею глиной,
Увлекая с собой бурелом,
Камни сыпаться будут лавиной!
Уберут их с дороги потом.

* * *

Река быстра и холодна,
Богата родниками,
Просматривается до дна,
Перебирает камни.

И как мозоль земли — скала,
Над бегом волн отвесна.
Вода кипит белым-бела,
Ей в горловине тесно.

К промытой синеве небес
Всем скопом без разбору,
Цепляясь, узловатый лес
Карабкается в гору.

Где некогда служил пророк
Посмешищем для дурней,
Легко возносится дымок
Над темной смолокурней.

ЖАЖДА

Райцентр — ни город, ни поселок
В степной заволжской стороне.
Здесь видел сорванцов веселых,
Босых, бегущих по стерне.

Земля в белесых пятнах соли.
У покривившихся ворот
Садился на футбольном поле
Зависший в небе вертолет.

Он пучеглазый и пузатый
С зонтом прозрачным лопастей.
Белоголовые ребята
Уж тут как тут ватагой всей.

Они на лавках в отдаленье
Уселись, кончили галдеть,
Ведь собрались на представленье
И приготовились глядеть.

Коричневые тучи пыли,
Подобные стихии злой,
Воздушные потоки взбили
Над пересохшею землей.

Потом винты остановились,
Утихла пыльная гроза.
На лицах мальчиков светились
Их ненасытные глаза.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

Монастырские стены,
Крепостные валы.
Патриаршей аллеи
Вековые стволы.

Кружит речка вдоль вала,
Рыбаки кое-где,
И стоит колокольня
По колено в воде.

В городке старорусском
Жизнь своим чередом:
Промышляют полезным
Незаметным трудом.

А пожалуют гости,
Будут рады тому.
Гость, повидевший много,—
Украшенье в дому.

Все поставит хозяйка,
Что родит огород
И что пьет для веселья
В этом граде народ.

Ты заехал надолго
Иль всего на часок,—
Гостю красное место,
Гостю лучший кусок.

А когда соберешься
Ты продолжить свой путь,
То вослед: «Извините,
Коль не так что-нибудь...»

Помня холод вокзалов,
Шум больших городов,
Перед тем «извините»
Преклониться готов.

Пусть крестьянская хитрость,
Пусть подкладка не та,
Есть великая мудрость
Эта их доброта...

Монастырские стены,
Крепостные валы.
Ребяшня на поляне
Забивает голы.

По-над стенами ветер,
Низко тучи летят,
Не затворены двери
И железом скрипят.

* * *

Легла дорога средь полей,
И на возвышенностях плавных
Видны зубцы монастырей,
Былого сторожей державных.

Как далека дорога та!
Как будто нету ей предела.
Голубоглаза высота
Глядит, все очи проглядела.

А что вдали? Эх, кабы знать...
Летим — движенья не умерить.
С младых ногтей нам повторять:
— В Россию можно только верить.

А где-то на краю небес,
Напоминая оторочку,
Темнеет монолитный лес,
Хоть все деревья в одиночку.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

I. Опекун

Обильной трапезой пропах,
В глазах — белесый хмель,
Вошел — и прямо в сапогах
На тяткину постель.

И вот лежит он развальясь
(А сапоги в грязи),
Где почивал великий князь
И царь всея Руси.

Боярин отдыхал от дел,
И, спрятавшись за ларь,
Волчонком на него глядел
Великий государь.

Зубрил псалтырь и часослов,
А после, обряжен,
Шел отрок принимать послов,
В раздумье погружен.

II. Под утро

После пьянки долгой и серьезной
(Он купцов ганзейских привечал)
Царь Иван Васильев, он же Грозный,
Поглядел в окно и заскучал.

Оттого ль, что только развиднелось,
Свет тревожный падал на снега,
Только вдруг Ивану захотелось
Бросить все, удариться в бега.

Чтобы степь да сонная дорога
Увели его куда невесть.
И не потому, что верил в бога,—
Озираясь, помнил: черти есть.

Но ему представился приятным
Земледельца повседневный труд...
Как же, убежишь! Вернут обратно,
Как собаку подлую прибьют.

Что прибьют! Придумают похлеще:
Глотку жидким оловом зальют,
Раскалят на красных углях клещи,
Шкуру сымут, чучело набьют.

И бледнел Иван в лучах рассвета,
Звал Малюту, в подземелье шел,
Чтоб теперь воочью видеть это —
Дыбу и в багровых пятнах пол.

III. Александровская слобода

Метла, собачья голова —
Царевы слуги.
Им предоставлены права
По всей округе.

Один закон — царев указ.
Дрожат посадки.

Кому пришел последний час,
Не жди пощады.

За бороденку волокут,
Башкой об землю.
Поспешно совершают суд,
Мольбам не внемля.

Будь то боярин в соболях
Великородный
Иль соглядатай тайный — лях,
Купец свободный.

Потом, вернувшись в монастырь
И чтя законы,
Читают набожно псалтырь
И бьют поклоны.

Им настоятель — царь Иван
Воздаст по чести.
Вином церковным будет пьян
Он с ними вместе.

ОСЕНЬ 64 г.

Вот церковь, где Пушкин венчался.
Вот здесь он в карету садился.
Карета исчезла вдали.
Ну как удивительно часто
Без промаха бьют лейтенанты,
Как вы убедиться могли...

Теперь тут ремонт. Что-то красят.
Успехи не очень заметны,
Но все же работа идет.
Тут что ни строитель, то классик
В вопросах языкознанья,
А в общем, тут добрый народ.

Он «скидывается» в продуктовом
(Гнездится в нем дух коллектива
Иль, может быть, денег в обрез),
Поскольку к занятиям новым
В кружке рисованья и лепки
Пока не возник интерес.

Дождит. Постовые в накидках.
Тепло, и от мокрого камня
Чуть видимый движется пар.
А возле домов у Никитских
На ящиках и корзинах
В разгаре осенний базар.

С косыми лучами заката
Конторы пустеют. Вновь людно.
И словно достатка печать:
Складные зонты, «дипломаты»,
Кургузые шляпы-«тирольки».
Ах, право, к лицу ли печаль?

Но рыцари переучета
Желают страдать вечерами,
Пленяя неискренних дев.
Звенит расцыганское что-то,
И бедные души тревожит
Заезженной пленки напев.

Прогресс налицо! Не вчера ли
До эры магнитофонной
Эпоха «рентгена» была.
Скелеты на снимках звучали,
Когда проползала по ребрам,
Шипя и срываясь, игла.

...На площади перед фонтаном,
На месте знакомств и свиданий,
Где легкие тени парят,
Окутаны серым туманом
Все те же кургузые шляпки.
Шпалеры. Шеренги. Парад.

А Пушкин стоит безучастно.
К подножью гранитному дети
Букетик цветов принесли.
Ну как удивительно часто
Без промаха бьют лейтенанты,
В чем вы убедиться могли.

БАЛЛАДА О СМЫЧКЕ

Окончилось лето,
И листья пестры,
Их песенка спета.
Пылают костры.

Опять пилорама
Звенит за окном
И режет упрямо
Бревно за бревном.

Порядок отменный
На складе царит,
Любое полено
Однажды сгорит.

...А где-то далеко,
Где, кажется, юг
Граничит с востоком,
Растет фернамбук.

Молчальник и бука,
Седой старичок
Из этого бука
Строгает смычок.

Чуть-чуть построгает,
Затем посидит.
Он суть постигает
И очень сердит.

Потом он наденет
Глухой сюртучок,
И кто-то оценит
Волшебный смычок.

...Наверное, в Вене
При свете свечей
Затихнет волнение
И шелест речей.

Появится бледный
В жабо музыкант,
Достаточно бедный,
Как всякий талант.

Глазами пошарит:
— Готовы? — Вполне
И после ударит
Смычок по струне.

И волны наполнят
Пространство вокруг
И что-то напомнят
Забывтое
вдруг...

Века над планетой
Прошли с той поры.
Окончилось лето.
Пылают костры.

Машина Уатта
Попала на слом.
Гравюра фрегата
Висит под стеклом.

Ушли дилижансы,
Менялись авто,
С годами их шансы
Снижались. Не то!

Но жив знаменитый
Волшебный смычок,
Что сделал сердитый
Сухой старичок.

Пусть город заснежит
И стекла белы,
Забуду про скрежет
Железной пилы.

Храм в деревне Воронцово
Сохранил следы потерь.
Не скажу, что образцово
Он содержится теперь.

Только нынче перед пасхой
И, как видно, неспроста
Подмалеван желтой краской
Храм-расстрига без креста.

Кто-то окна тряпкой вытер.
Возле храма, у дверей,
Похоронен бывший ктитор,
За оградой — иерей.

Дальше, сделанные грубо,
В духе времени, подряд
Накрест сваренные трубы
Над могилами стоят.

На могилах крошки хлеба,
Под ногами скорлупа.
Пред судом высоким неба
Надпись каждая скупа.

Сообщается в ней имя,
Неразлучных дат чета...
Выразительна меж ними
Жизни краткая черта.

Сколько было их в Отчизне
И ушло: кто млад, кто стар.
Отработанные жизни
Растворились, точно пар.

Стали почвой, синим бором,
Речкой стали голубой,
Стали воздухом, которым
Дышим мы теперь с тобой.

Все предстало много проще,
Чем казалось до поры.
Словно дым в безлистой роще —
Сизый блеск сухой коры.

По-весеннему пустынно.
Прошлогодних листьев прель.
Разрывает, как холстину,
Тучи ветреный апрель.

* * *

Клянешься ты в любви большой
К своей отчизне.
А что ты выстрадал душой
За годы жизни?

Ты причитаешь: «Синева...
Просторы... Пущи...»
А родине нужны слова —
Как хлеб насущный.

Нележкой правда может быть,
Как хлеб военный.
Не клясться надо, а любить
Обыкновенно.

Мрачно бродишь по квартире,
Трешь в задумчивости лоб.
Снова крутится в эфире
Новостей калейдоскоп.

Где-то что-то приключилось,
Кто-то что-то совершил:
Тем вершина покорилась,
Этот двести лет прожил.

Жизнь струится полнокровно
В гуле, стрекоте машин.
Ну а у тебя все ровно —
Ни падений, ни вершин.

Не кляни в судьбе пробелы,
Лучше в суть вещей взглядись.
Делай собственное дело,
Делом собственным гордись.

Только чтобы без обману,
Именное ставь клеймо.
Без словесного туману,
Дело говорит само.

Не поддайся искушенью
Слов расхожих — это пар,
Краснобаев ухищренья,
Их нелегкий гонорар.

* * *

Романтиков великих
Я поутру читал.
Доспехов тусклых блики
Сквозь строчки различал

Возвышенные чувства
Тогда открылись мне
Наивного искусства,
Прекрасного вдвойне.

...Так поступают дети
Наперекор уму,
Так жить нельзя на свете
И должно потому.

Проходят долгим строем,
Теряются во мгле
Громоздкие герои
С печатью на челе.

* * *

Поубавился жизни масштаб,
Хоть ты стал изощреннее в слове.
Одомашненной птицей мечта
Что-то ищет в отбитой половине.

И тебя отчего-то знобит,
И «нарзан» ощущается в пальцах.
Черновик твой немилый забыт,
Аккурат — вышиванье на пальцах.

Поглядел равнодушно в окно
На соседнюю долгую стройку
А подумал: «А строят дрянно...»
Как-то вяло подумал — и только.

Заклинаю, душой прилепись
К веку, сложно живет он и трудно.
Может статься, проглянется высь
В серый дождик, что сеется нудно.

А проглянется — не упусти
Этот миг, как благое известье,
И сумей его в мир донести
С непритворною радостью вместе.

ЕЩЕ ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ

Колеса, гусеницы, ноги
Взбивали глину на дороге,
Она вздыхала, пузырясь,
Была похожа на сметану.
Я шел впервые к котловану.
— Испачкался? Земля не грязь!
Все двигалось и скрежетало,
Куда-то что-то подымало,
Везло, тащило, волокло.
Настоян воздух на солярке,
Прожжен лучом электросварки,
И ветер — резкий, как стекло.
А в котловане били сваи
Под руководством тети Раи,
Кричавшей сипло в темноту.
Был голос у нее неслабый.
Звал кое-кто ее «клинбабой»
За слов и мыслей прямоту.
Так вот, гнилое было место —
Земля пружинила, как тесто,
Не лезли сваи, хоть умри!
Но шло строительство потоком,
Подчинено единым срокам.
Начальник дал еще дня три.
Что некогда давалось с кровью,
Сравню я с первою любовью...
А поглядеть со стороны:
Квартал рождался сам собою,
Тянулся в небо голубое,
Кораллом рос из глубины.

* * *

В. Черняку

Профессионалы... Запах пота
В раздевалках. Надобно понять:
Это ведь нелегкая работа —
На зеленом поле мяч гонять.

Рохли, недотепы, дилетанты!
Ваше время истекло давно.
Вы смешны, как будто дилижансы
Рядом со сверкающим «рено».

Вы играете самозабвенно,
Мил мне ваш младенческий азарт,
Вы вперед стремитесь непременно!
(А потом толпою всей — назад.)

Мечетесь по полю оголтело,
Вам побегать лишь бы, поорать.
Профессионалы знают дело.
Крепко знают. Скучно им играть.

* * *

Былые сомнения вздорны,
И вновь ты готов за порог,
Когда заиграют валторны
И с ними английский рожок.

Осеннего утра прохлада
Заставит поежиться вдруг.
Но ты отвечаешь бравадой
На женский притворный испуг.

К стерне полосатой и плоской,
Глядящей в просторы небес,
Приклеен багряной полоской
Недальний, но все-таки лес.

Хоть ты в сапогах и нескладен,
Достоинства столько в тебе!
Как будто уходишь не на день
И вызов бросаешь судьбе.

* * *

Нева... На низких берегах
Великолепные строенья.
Я в том осеннем настроенье,
Когда от всяких дел в бегах.
По Летнему гуляю саду,
Листву опавшую топчу,
На черную гляжу ограду,
Стихи забытые шепчу.
Тут мрамор, взгляд куда ни кинь,
Богов античных и богинь.

Вот космы мрачного Сатурна.
Бог Времени, родитель дней,
Играя мышцею скульптурной,
Съедает собственных детей.
Мне чудится застывший крик,
Уж больно страшен тот старик.

...Я жил когда-то на Фонтанке,
То было много лет назад.
Стоял в строю на левом фланге,
Вне очереди шел в наряд.
И, бравым будучи курсантом,
Тогда значенье придавал
Нашивкам воинским и кантам,
Не Канту, я его не знал.
Неопытных и юных лет
Где отыщу теперь я след?

Пусты осенние пространства.
Дитя с игрушкой идет,
В которой кончился завод.
Ничто не знает постоянства.
Бог Времени, родитель дней,
Съедает собственных детей.

А что есть время? Почему
Его кому-то не хватает?
Оно, как снег в ладонях, тает
И неподвластно никому.
Иные силятся убить
Его, к пивной прижаты стойке,
Но долгодень после попойки,
Как вспомнишь, лучше и не пить.
А время движется вне нас.
Который во Вселенной час?

* * *

Лютеранская церковь и пруд.
Поправляя балетные пачки,
Белоснежные птицы плывут,
Царственно принимая подачки.

У зеленой поверхности вод
Под пропитанным синькою небом
Бедным кажется сытый народ
Со своим приготовленным хлебом.

Аккуратная зелень вокруг.
Каждый камень лежит аккуратно.
Что ж не весел, приезжий мой друг,
Иль в неприбранность тянет обратно?

Птицы ближе к бетонной черте.
Люди хлеб им суют за ограду.
Все довольны: и эти и те.
Так чего ж тебе, собственно, надо?

Сел туман белесый на предместье,
Влажный, в горсть возьмешь — течет вода
Глухо. Ни привета, ни известья,
Где-то заблудились провода.

Деревя стоят в тумане плотном
Зыбкие, и близко и окрест.
Кажется, что за окошком потным
Призраков чрезвычайный съезд.

Черные качаются султаны,
Белые колышутся плащи.
Мрачные зигфриды и тристаны
Крест и меч подъяли. Трепещи!

Мрак сгущался. Ночью непогода
Разрешилась ливнем грозовым.
И предстала поутру природа
С ликом пасторально-голубым.

Мирные крестьянские куртины.
Речки прихотливой берега.
Башня. Монастырских стен руины.
Плата за осмотр недорого.

* * *

В прямоугольнике окна
На темно-синем фоне
Плывет холодная луна
В серебряной короне.

Еще халдейский жрец, смотря
На лик туманно-бледный,
Загадку календаря
Смушал свой разум бедный.

Всплывают в памяти моей
Названья лунных пятен:
Пустынных цирков и морей,
Возвышенностей, впадин.

Гляжу на небо, жду вестей.
Все ярче постепенно
Грядущих мировых страстей
Освещена арена.

* * *

Теперь доказано на практике,
Что разбегаются галактики,
Чтобы по истеченье вечности
Вновь повстречаться в бесконечности.
Сначала были мы в смущении,
Узнав про «красное смещение».
А нынче снова улыбаемся,
И... все куда-то разбегаемся.
Звучит хоть страшно, но красиво,
Что мы живем во время взрыва!

Июнь. Чирикание пернатых.
Мечты мальчишек о пиратах.
И каждодневная работа.
И козни мелкие кого-то.
Костер. Мадонна Рафаэля.
И деревенский пустомеля.
Чума. Крестовые походы.
Кобель диковинной породы.
Напластование эпох.
Живущий в сказке царь Горох...
И это все во время взрыва?
Нелепо как-то, но красиво.

ГИПОТЕЗА

Для чего и кому это надобно,
Чтобы — столько страданий людских?
Чтоб торчали железные надолбы
У пустынных застав городских?..

В вихре войн, среди лязга и топота,
И в непрочности мирных времен,
Может, все мы — участники опыта,
Что проводит неведомый Он?

Сверху смотрит он глазом внимательным
В циклопический свой окуляр:
Что творится в бульоне питательном,
Как идет размножение пар?

Произносит одни междометия,
Постигает вещей существо.
И едва поспевают столетия
За секундную стрелкой его...

СТИХИ, НЕ ИМЕЮЩИЕ НИЧЕГО ОБЩЕГО С РЕАЛЬНОСТЬЮ

1

Иногда я себе кажусь
Индийским божеством,
Таким огромным,
Что одновременно не могу увидеть
Всех частей своего тела,
Несмотря на то что у меня триста глаз.
Каменные пятки
Нежатся в океане,
А голова облаками скрыта,
Подобно Эвересту.
На губах моих,
Что размером с центральную площадь
В большом городе,
Играет безмятежная улыбка.
Глаза мои расположены
В самых различных местах:
Один, например, на месте пупа,
А другой на мизинце ноги.
Клубящийся смерч
Для меня — всего завиток,
Различимый еле,
Движущийся не без изящества.
Чем занят я? Наверное, думаю —
Было ли начало и будет ли конец света.
Пару тысячелетий
Бьюсь я над этим вопросом,

Но не решил его определенно.
Впрочем, это понятно,
Ведь индийские божества —
Довольно темный народ,
Не охваченный всеобщим образованием.
Когда, зажатый со всех сторон,
Я еду в автобусе
И мне наступают на ногу,
Мне хочется крикнуть:
— Мой глаз! —
Но я сдерживаюсь, чтобы не выглядеть
смешным.

2

Однажды я разговаривал со звездами.
Я знаю восемьдесят семь
Звездных языков.
Для индийского божества это не много и не
мало,
Как говорится — средний уровень.
Все звездные языки
Построены по принципу азбуки Морзе.
В этом легко убедиться ясной летней ночью,
Глядя на небо.
Вам будет казаться, что звезды дрожат,
Мерцают, подмигивают.
Среди людей распространено ошибочное
мнение,
Что звезды — раскаленные огненные шары.
Это не так.
Они светятся фосфорически,
Как светляки на болоте.
Одна звезда, живущая очень далеко,

И материка ломаются, как глиняные
плошки.
Француз Кювье правдоподобно описал эти
явления,

Хотя и не понял их причины.
Как-то сквозь дремоту
Я почувствовал легкое щекотание
В левом боку.
Приоткрыв несколько глаз,
Я увидел, что люди ищут полезные
ископаемые.

Интересно какие?
Меня умилила конструкция буровой вышки.
С этим чувством я опять задремал.
Во сне я вздрогнул,
А может быть, почесался...
Землетрясение уничтожило семь городов,
Не считая мелких селений на побережье,
Которые океан слизнул, словно пенку.
Я жалел, что так получилось.
Но скоро люди построили новые города,
больше прежних,

И сами их разрушили.
Тогда я подумал:
Жалеют ли кого-нибудь люди?

* * *

Вышел в мокрые деревья,
Только кончилась гроза,
И гляжу без недоверья
Звездам в чистые глаза.

Свет сиреневый сочится,
И луны неровный круг.
Чувствую себя частицей
Мира сущего вокруг.

Не царем слепой природы
Не творения венцом...
Кажется — стоял бы годы
С запрокинутым лицом.

* * *

Тащит Август корзины плодов.
Пóтом залиты круглые щеки.
В парне добрый десяток пудов,
В нем пульсируют мощные токи.

И рубаха разлезлась по швам,
От дождей и от солнца слиняла.
Треплет мальчика по волосам
Он ручищею короткопалой.

Посмотрите, как эта гора,
Рычагами согнув свои руки,
С наслаждением пьет из ведра,
Ртутью льются за пазуху струйки.

Прочь пошел, отдышавшись едва.
Долго видно широкую спину,
Оттого что с деревьев листва
Облетела уж наполовину.

* * *

Березняк обглоданный.
Ржавые кусты.
Как в усадьбе проданной —
Запах пустоты.

Вдоль листвою усеянных
Долгих анфилад
Взгляд скользит рассеянно
С мыслями не в лад.

Заметет метелица,
Запылит пурга.
Перемелет мельница
Белые снега.

Неживая чудная
Скроет красота
Эту глину скудную,
Ворохи листа.

Но ведь жизнь весенняя
Грянет! — знает всяк.
Что ж глядишь рассеянно
В мокрый березняк?

* * *

Этот сон зеленый неужели
Вдруг пройдет, как все проходят сны?
Станут углем сумрачные ели,
Янтарем — тягучий сок сосны.

Да и мы с железками своими
Образуем отложений слой
Вроде тех, что нынче носят имя —
Каменноугольный, меловой...

Небеса над толщею слоеной
Будут в звездах, словно решето,
А меж ними — дух неугомонный,
Воплотиться ищущий во что.

Итог. Подведена черта.
А дальше — нету ни черта.
Распад сложнейшего устройства.
Я слабонервным не чета,
И все ж пред этим «ни черта»
Испытываю беспокойство.

Весь век проведешь под знаком смерти
И кануть в бездну, в океан...
Уж лучше ад, в котором черти,
Похожие на обезьян.

Не посчитайте дураком,
Я часто думаю о том,
Что, получив под зад коленцем,
Я в мире окажусь другом
Седобородым стариком
И там окончу жизнь младенцем.

...Живем всерьез. Ругаем пьянство.
На землю падаем без сил.
А жизнь — это игра пространства
И электромагнитных сил.

ДИРИЖАБЛЬ

В синеве над моею страной,
Ждавшей хлеба и керосина,
Он летел, серебристый, большой,
К животу прижимая корзину.

Он парил нереальнее сна,
Каплей двигался по небосводу,
И тогда забывала страна
Про лишенья свои и невзгоды.

Эта радость, по-детски чиста,
По домам не таилась укромно.
Сетью схвачена пустота,
Облако в авоське огромной!

Сколько заданных кверху голов,
Сколько глаз, блестящих от счастья!
Мастодонт тридцатых годов
Вымер начисто в одночасье...

Вспомнил радость далекого дня,
Ощувивши кожей дряблой —
Истекает жизнь из меня,
Словно гелий из дирижабля.

Должно быть, мало витаминов,
Весенний на душе разброд.
Дела обычные закинув,
По талым водам чуть не вброд
Сперва прошествую по Бронной
И выйду на бульвар Тверской,
Вступлю под свод серо-зеленый,
Вдохну горчащий дух сырой.
Пройду Никитские ворота,
Где Тимирязев водружен.
Он в ночь воздушного налета
Волной взрывною был сражен.
Почую запах свежих булок
Из магазина за углом.
Сверну в Столовый переулок,
Увижу старый серый дом —
Щиты и копыя на фасаде
И морды греческих коней.
И вспомню школьные тетради
И радости голодных дней.

* * *

Дух грибной в Минаевском проезде,
Где резные мокнут терема.
Сроют их.
Потом на этом месте
Вздыбятся прозрачные дома.

...А когда-то день светился яркий,
И в разгар строительной поры
Плотники, по доброй выпив чарке,
Весело брались за топоры.

Минул век. Мещанская слободка
Невозвратно в прошлое уйдет.
Тонет, как рассохшаяся лодка
В илистой пучине темных вод.

Позабуду малые строенья,
Их наряд наивно кружевной.
Лишь всплывут их смутные виденья,
Как слышу влажный дух грибной.

* * *

Что б ни было, хуже не будет.
Будь весел, как греческий бог,
Пока тебе смерть не остудит
Трепещущий сердца комок.

Что боль в этой жизни приятна,
Поймешь ты, покинувши свет,
Когда возвратишься обратно
В компанию звезд и планет.

В бескрайних вселенских просторах
Ты будешь скользить как сигнал,
Бесплотен, как образ, который
Однажды по счастью сыграл.

* * *

Монастырь. Бензоколонка.
Пропась в триста тридцать лет
Кожурой асфальта тонкой
Скрыта, даже шелки нет.

У стены зубчатой липа.
Лист сорвался и кружит
Над землей, где грешник либо
Скромный праведник лежит.

Погуляли здесь поляки,
Мор случался и пожар.
А теперь стоят палатки,
Овощной шумит базар.

Поредевший сквер осенний
На просвет как решето.
В край тропических растений
Цирк уехал шапито.

Счистил старую афишу
Аккуратный старичок.
Знаю — больше не увижу
Ваш отчаянный прыжок.

Где-нибудь под небом южным
В городском чужом саду
Вам покажется ненужным
Быть все время на виду.

Заколеблются устои,
Полотняный дрогнет свод.
Вы прошепчете: «Пустое...
Отдохну, и все пройдет».

Но привидится вам снова,
Как однажды к покрову
Лягут снежные покровы
На зеленую траву.

И мелькнет, как киноплёнка:
Дом родительский... Пустырь
Через мост бензоколонка,
А напротив — монастырь...

Мне расскажет по порядку
Боря Бреев, мой дружок,
Как разбилась акробатка,
Совершая свой прыжок.

На опилках след багровый,
А последние слова:
«Лягут белые покровы
Не позднее покрова».

* * *

Прелесть пустынного парка.
Лишь одинокий старик
Листьями палыми шаркал,
Прутья кустарника стриг.

Да изнывая без дела
Или преследуя цель —
Чтобы не заржавела, —
Некто крутил карусель...

Был полдень тусклый, словно вечер
Слов не бросающий на ветер,
Явился беспощадный гость.
Страшна его повадка лисья.
Посыпались на землю листья,
Как будто бы разжалась горсть.

А после было исступленье,
Отчаянье и утомленье,
Все выверено по часам.
Деревья догола раздеты,
Их руки черные воздеты
К октябрьским низким небесам.

Дожди. Гнилое время года.
Сидишь и ждешь зимы прихода.
Лишь пара вымученных строк
В тетради, оттого не весел,
Как будто дал однажды вексель
И погасить его не смог.

Порой смеешься: шито-крыто.
Но и тогда ты ждешь визита,
Все громче мерный ход часов.
Колесики и коромысла!
В вас нету никакого смысла,
Как в римских бюстах без носов.

* * *

Если снимешь слой полуды,
Суть откроется проста:
Если б не было Иуды,
То и не было б Христа.

Не пройди свой путь Учитель,
Был удел его таков:
Он болтал бы, долгожитель,
С горсткою учеников.

В мире сумерек кромешных,
Фарисеев и кутил,
Исцеляя братьев грешных,
Может, лекарем прослыл.

Но когда Исус распятый
На кресте своем поник,
Бросив тряпку с жалкой платой,
Удавился ученик.

Он — орудье Провиденья,
И его избрал Господь.
Предстояло Вознесенье,
Как одежду сбросить плоть.

Человеческие дети,
Застит взор ваш пелена.
Жалки сребреники эти,
Им бессмертие цена.

ПАРОВОЗ

Он спятил с ума, он попятился задом,
Рванулся вперед, дал гудок.
Ему показалась бессмысленным адом
Система железных дорог.

И вот по бокам полоса отчужденья,
А спереди — синий простор.
Над рельсами дух беспокойный движенья
Крыла роковые простер.

Душевнобольной покоритель простора,
Он прет по железной стезе.
Кроваво уставился глаз светофора,
И парит, как будто к грозе.

* * *

Духота в начале лета,
Тополиный пух в глаза.
В небе розового цвета
Притаилась гроза.

Это душное предгрозье,
Предоставлены судьбе,
Люди, звери и колосья
Ощущают на себе.

Потянул с востока холод.
Беспокоен птиц полет.
Блеск короткий — и расколот,
Словно чаша, небосвод.

Лишь какое-то мгновенье
На померкшем фоне дня
Жило страшное растение
Смертоносного огня.

Это вырвалась на волю
Сила, скрытая дотоль.
Одинокий путник в поле
Как шекспировский король.

Не стыдно торговать на рынке,
Стоять с товаром не грешно,
Будь это глиняные крынки
Или толченое пшено.
...Голодный год. Лихие гости.
В пустом ряду старик стоял.
Он выпрямлял кривые гвозди
И тут на рынке продавал.
Худую грудь его скрывала
Апостольская борода.
Торговля денег не давала —
Совсем не строились тогда.
Бубнили женщины нестройно,
Искали сала и курей,
А он один стоял достойно
С сознанием нужности своей...
Не стыдно торговать на рынке,
Стоять с товаром не грешно,
Будь то плетеные корзинки,
Картошка или толокно.
Не заводи с соседом свару,
Как окаянный не ори,
Знай цену своему товару.
Знай цену — больше не бери.

Выси бледные светлы —
Наступила осень,—
Подпирают их стволы
Корабельных сосен.

Ночью яблоки стучат
По железной крыше.
Громы дальние звучат,
Как приказы свыше.

Мы с утра гулять идем
За дорогой в чаще.
По пути аэродром
Видим настоящий.

И кружится самолет,
Словно лист осенний,
Даже виден был пилот
Несколько мгновений.

Жгут на дачах листья, сор,
Собирают ветки.
Дети смотрят на костер,
Как смотрели предки.

Дни, что зайцы,— врассыпную
Месяц волком пробежал.
Зимней ночью ждал весну я.
Ждал, да, видно, переждал.

Оттого и небо низко,
Словно царь небесных сил
Алюминиевой миской
Мокрый город наш накрыл.

Оттого-то неуклюже
С островка на островок
Миновать пытаюсь лужи
Парою промокших ног.

Путь вдоль ветхого забора
Как овечий водопой.
Где же образ юной Флоры,
Что привиделся зимой?

Светлый образ Боттичелли...
Флорентинец врать мастак —
Или, может, в самом деле
Все в Италии не так.

Дни, что зайцы,— врассыпную.
Месяц волком пробежал.
Слишком долго ждал весну я.
Ждал, да, видно, переждал.

* * *

Не кажется ль, что нам пора домой?
В лесную глушь, к полянам медоносным,
Кустам кудрявым, сочным травам росным
Из царства, нареченного Зимой.

Чтоб раствориться в теплой тишине,
Пронизанной жужжаньем терпеливым,
Почувствовать себя почти счастливым
Во сне, или, вернее, в полусне.

Утратив плоть и облик потеряв,
Глазами стать торжественной природы
И, за мгновенья почитая годы,
Следить за неподвижным ростом трав.

НА ВИШЕРЕ

Вбирая светлые ключи,
Река стремится торопливо,
Над нею камень Говорливый,
Не веришь если, покричи.

Ты здесь поймешь, что суматошно
Живешь все время «на бегу»,
Что жить и по-иному можно
На этом дальнем берегу.

С тесовой крышей дом из бревен,
Крыльцо высокое к нему,
С летящим веком пусть не вровень,
Да плохо ли в таком дому?

Поет девчонка о залетке.
Волна от катера бежит.
Она раскачивает лодки,
Такие утлые на вид.

В одну из них я влез насилу,
С опаской — как бы не упасть.
По деревянному настилу
Мешки несут, рыбачью снасть.

Нарушив дрему мелкокося,
Мотор зафыркал, застучал.
Вернулось чувство равновесья.
Прощай, недолгий мой причал.

* * *

Опять томленье духа,
Нет тягостней труда.
Доносится до слуха,
Что капает вода.

Пустой, как видно, номер —
Нелепый подвиг твой.
Неумолим хронометр,
Водопровод ночной.

Число несметно капель...
Но вот как будто свет
Проходит через кабель,
Через спинной хребет.

Ты все готов руками
Потрогать, как слепой.
Всему, что скоро канет,
Ты говоришь:
«Постой».

Глазами полководца
Глядишь не трепеща.
Всему, что остается,
Ты говоришь:
«Прощай...»

Снега метут волнообразно,
Перечеркнув мое окно.
От снега белого темно.
Единоборство с ним напрасно.

И потому в подвалах спят
Скребки, широкие лопаты.
Облеплен пеший, словно в латы
Закован с головы до пят.

Все люди разъединены,
И все сообщества распались.
Дома в сугробах потерялись
Невиданной величины.

А снег летит горизонтально,
Порою кажется, что вверх.
Сквозь этот белый фейерверк
Лишь пеший движется случайный.

Он неуклюж, как водолаз,
Но он идет от дома к дому,
Несет свое тепло другому,
Кому-то, может быть, из вас.

Метель имеет глубину,
На дне ее бело и пусто.
Тепла пульсирующий сгусток
Куда-то движется по дну.

* * *

Дни то смутны, то ясны
(Речь не только о погоде).
Это признаки весны,
Междущарствия в природе.

Лишь поверишь в чудеса,
В золотую силу света,
Утром глядь, а небеса
В шкуру серую одеты.

«Но позвольте! — слышу глас.—
Опыт прошлый не обманет,
Скоро, уверяю вас,
Лето красное настанет!

Все в округе расцветет,
Защёбечут в чаще птички...
Точно помню, в прошлый год
Ехал как-то в электричке...»

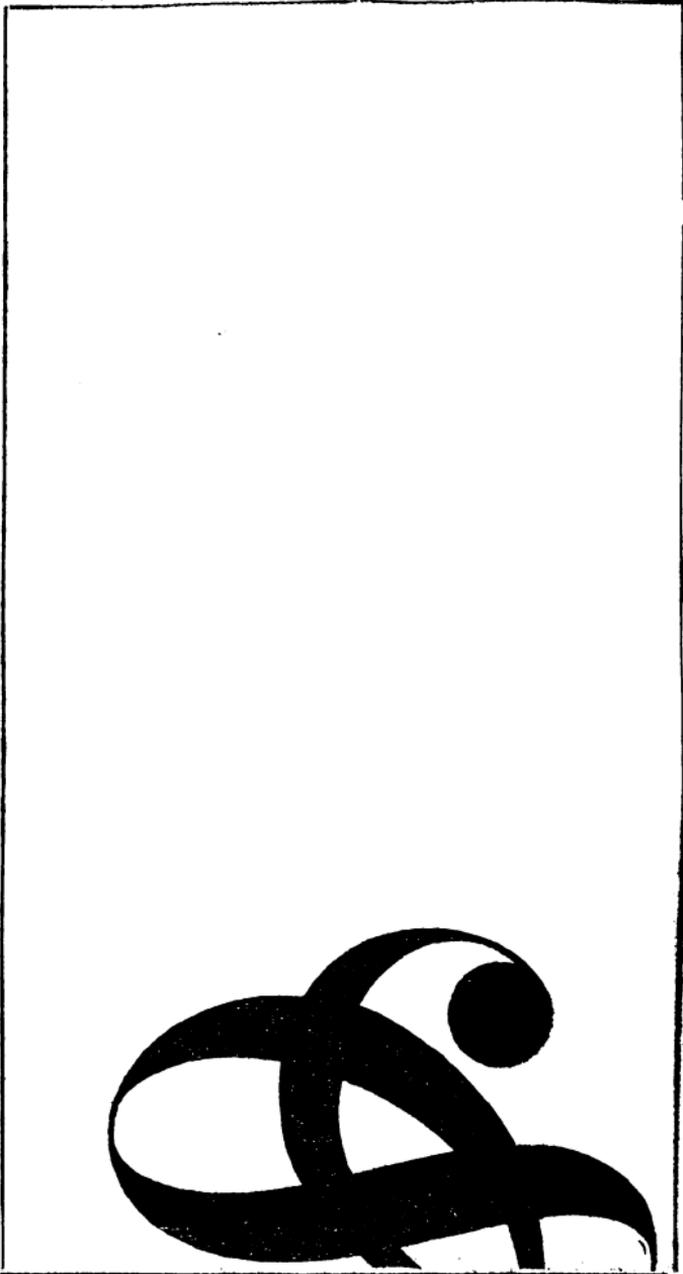
Вдруг иную вижу тень.
Голос произносит глухо:
«Отцветет опять сирень,
Станет девица старухой.

И осенние дожди
Прямо в душу будут капать...
Ты хорошего не жди,
Остается только плакать».

Влажным воздухом дыша
Во саду ли, в огороде,
Переменчива душа.
Как круговорот в природе,

Мне нитье не по нутру
Вместе с бодростью натужной.
Жизнь велит, и поутру
За работу браться нужно.

2

* * *

Пустеет поля ширь. Колосья сжаты.
Дыханье Севера срывает лист с ветвей.
Одежды златотканые богаты
Осенних рощ в скупом тепле лучей.

1948

* * *

Дрожит, как нищенка, береза
И птиц не слышно на заре,
А лужи утром от мороза
Застыли в ломком серебре.

1949

* * *

Осенний город тихо увядал.
Я брел по улицам сквозь полусумрак синий,
И вдруг в толпе я деву увидал
С чертами древнегреческой богини.

Какую грацию природа ей дала!
Я отвести не мог восторженного взгляда.
«Ну что уставился, по шее, что ли, надо!» —
Сказала и куда-то проплыла.

1950

Я по натуре своей застенчив.
Камня нет у меня за душой.
Мне бы еще сияющий венчик,
И я совсем библейский святой.

Разве что нет бороды до пупа,
Святые бород не брили.
А я бы брил, да природа скупа —
Ни волосинки на рыле.

По совести б надо — меня в образа,
Вроде страдальца-пустынника,
И чтобы ценилась моя слеза
Никак не меньше полтинника.

Так нет, не поймете, вам — жгись на костре,
Стони и корчись распятием.
А может, страданья мои острей,
Чем у библейской братии.

Останусь тише поросшего пня.
Буду — само смирение.
А что до апостолов — это брехня
И больше так, для сравнения.

1951

* * *

Улочек кривых запутанный узор.
Пахнет морем и романтикой немного.
От жары на ум идет какой-то вздор
Из шаланд, пиратов, осьминогов.

Ночь, как продавщица камбалы,
Потная, навесила дешевых бляшек.
Хочется куда-то вдаль заплыть,
Где в волнах зеленых месяц пляшет.

Месяц с ушибленным самолюбием глядит,
Верно, лезут старому в башку какие бредни.
Чешуится море впереди,
Как ногами шаркая в передней.

1951

Как-то в темной лавке антиквара,
Где старинные укрылись тайны,
Я среди монет чеканки старой
Редкий камень увидел случайно.

Вспыхивали грани огоньками,
В тусклом серебре мерцали свечи.
Как сюда попал чудесный камень,
Чем его далекий путь отмечен?

Может быть, повязку Тамерлана
Украшал он красноватым блеском
Или в рукояти ятагана
Алой кровью он светился дерзко...

Но о том не рассказали грани.
Мраморных богинь белели плечи.
Птиц и бабочек китайской ткани
Освещали, оплывая, свечи.

1952

* * *

Бесконечен желтый океан.
Медленно бредут верблюжьи ноги.
Обречен усталый караван,
Не нашедший вовремя дороги.

Стал товар дешевле, чем песок,
Но, слепую алчностью терзаем,
Этого понять еще не смог
Полубезумевший хозяин.

Вдалеке он видит зелень пальм,
Слышит волн веселый, дробный рокот.
Красные глаза уставив вдаль,
Молит он о милости пророка.

Так бредут. Пески. Но нет воды,
Призраки рассеялись туманом.
И заносит сразу же следы
Ветер за усталым караваном.

1953

* * *

Он ушел в лесные чащи
И пропал в зеленом чреве,
Захватив лишь нож блестящий
И любовь к неверной деве.

В одиночестве скитаясь,
Он туда ушел от мира,
Где лежат, переплетаясь,
Тропы зубра и тапира.

Он отверг надежду выжить
И уходит в чащи дальше,
Чтобы лжи в словах не слышать,
А в глазах не видеть фальши.

1953

ЭПИТАФИЯ

Под плитою этой скромной
(Только будет ли плита?)
Свой приют нашел бездомный
Никудышный сирота.

Из какого был он теста,
Что средь тропок и дорог
На земле на этой места
Он найти себе не мог,—

Мы судить его не будем.
Жизнь его давно прошла.
Он добра не сделал людям,
Но не делал им и зла.

1953

* * *

Бьется в окне пчела.
Близок простор голубой.
Бьется о грань стекла
В пестрый июльский зной.

Вижу черты твои.
Чем ты к себе привлекла?
Но между нами стоит
Та же прозрачность стекла.

1955

* * *

С высоты седьмого этажа
Город весь лежит как на ладони,
В небо впился золотой кинжал.
Темный ангел мерзнет на колонне.

Ты всегда прекрасен, город мой,
Над моей душою ты всевластен.
Золотисто-солнечный весной
И свинцово-серый в дни ненастья.

1956

* * *

Может быть, доберусь я до истины,
Может быть, не увижу во тьме
И останусь на маленькой пристани,
Увидав лишь фонарь на корме.

Жизнь — корабль. Время бьет свои склянки
На востоке багряный восход.
Не отстань на короткой стоянке,
Где вода, застоявшись, цветет.

Ну и пусть не торчишь ты на мостике, —
Кто-то должен поддерживать пар.
Меркнут звезд серебристые гвоздики.
Старый мир — он не так уж и стар.

Так не будь старичком от рождения,
Двадцать с лишним — еще не беда.
Счастье плыть! Впереди приключения.
Старичком быть успеешь всегда.

1956

* * *

Заливая окна черной тушью,
Ночь идет по улицам безлюдным.
Тишины я криком не нарушу,
Давши волю чувствам безрассудным.

Больше нет обид, они забыты.
В памяти моей твои черты.
Лишь обидно за свои обиды
Да за то, что сжег назад мосты.

Промываю памяти пласты.
Оставляю золота крупинки:
Путь наш от Невы до Мариинки,
Зелень над водою и мосты.

1956

* * *

Я вспомнил, как тебя любил
Недужно,
Намеренно спокоен был
Наружно.

О, как была приятна боль
Безмерно!
Вот так на рану сыплют соль,
Наверно.

1957(?)

* * *

Ноябрь на диво ясный и сухой,
Как будто возмещает нам с лихвой
За все дожди, прошедшие недавно.
Погибли листья, ставшие трухой,
И незаметно и бесславно.
И город без листвы багряной стал
Такой холодной прибранной квартирой,
Где нет детей, где только чистота:
И пол без клякс и скатерти без дырок.

1957

* * *

Первый снег, как разведчик,
До победы не дожил,
Он погиб в теплый вечер
Под ногами прохожих.

Что ж, на всякой войне
Есть победы и жертвы.
Я пою первый снег,
Потому, что он — первый!

1958

* * *

Пригласили меня на свадьбу,
На веселую на женитьбу.

Выбираю, чего пожевать бы,
Размышляю, чего испить бы.

Эх, пропьем сегодня невесту
Да грибочком еще закусим!

Где-то снялись с родного места
И на юг потянулись гуси.

Треугольник, словно на ощупь,
Вдаль стремится, в пространстве тонет.

То великий инстинкт (не жилплощадь)
Птицу дикую за море гонит.

Неразумные, дикие птицы!
Вот и скрылись с криком прощальным...

С детства памятливы мне страницы
Про гусей на озере дальнем.

Повредила крыло гусыня
И продолжить путь не сумела.

Гусь остался, и в озеро синее
Вмерзли два красноногих тела.

За такую верность отдать бы
И достатки и жизнь в хоромах,

На моей чтоб не было свадьбе
Загулявших, как я, знакомых.

1958

* * *

Отчего они не ищут встреч,
Отчего обычно он смолкает,
Если вдруг о ней заходит речь?
Этого никто из них не знает.

Но об этом знают все вокруг,
Оттого что, вопреки злословью
И друзей неверных и подруг,
Это называется любовью.

...Будет падать театральный снег,
Все на свете сделав непохожим,
Скажет он, не опуская век,
Что она ему всего дороже.

А она, схватив его рукав,
То ли всхлипнет, то ли засмеется.
На ресницы длинные упав,
Каплею снежинка обернется.

...Но пока они не ищут встреч,
И, его увидевши угрюмым,
Вы о ней не заводите речь,
Чтоб случилось так, как я придумал.

1958

* * *

Она уходит в сумерки,
В закатные лучи.
В ее дешевой сумочке
Помада да ключи.

Ее волнуют мальчики
В диковинных плащах,
Что трезво, без романтики
Толкуют о вещах.

А дома серо, буднично,
Забот не перечесть.
И замкнут круг от булочной
До магазина шесть.

Красивая, упрямая —
Попробуй удержи!
От матери упрятана
Ее другая жизнь.

Средь человечесьей сутолоки
Летит как палый лист.
Она уходит в сумерки,
И взгляд ее лучист.

1958

* * *

Холод этого утра
К асфальту следы приморозил.
Холод этого утра
Бесцеремонно залез мне за ворот.
Лист кружит надо мною
И падает возле.
Я на город гляжу —
В осень мачтами врезался город.
Вот и все.
Холод этого утра
Глаза застеклил мне обидой.
Холод этого утра
Рассказал мне о близости снега.
Знаю: годы пройдут,
Двери в дом будут накрест забиты,
И запомню отчетливо я
Только листья, летящие с неба.

1959

* * *

Отчего мне всегда тревожно,
Когда тает снег,
Будто в гулком театре порожнем
Или в мальчишеском сне.

Опаленный прошедшей осенью,
Переживший белый покой,
Я ломаю льдинки на озере
И болтаю с тобой.

В синем небе солнце красное,
Птичьи песни в леске,
У причала лодки крашенные
И следы на песке.

1959

Художник с плоским ящиком для красок,
Девушка с худощавыми ногами
И я — единственные пассажиры
Последнего вагона.

Художник эспаньолку теребит,
Девушка поправляет платье,
Ей кажется, что на ее колени
Я с любопытством пристально гляжу.

Мне хочется сказать ей: «Успокойтесь,
Я вовсе не гляжу на ваши ноги,
Мой взгляд упал на них совсем случайно».
Еще бы мне хотелось ей сказать,
Что ноги у тебя стройней, но это,
Боюсь, ее совсем не успокоит.

А где-то ты живешь себе на даче,
И даже я не знаю толком где,
Сидишь на солнце, рыбаков дурачишь
И отдаешься полностью воде.

Вокруг тебя блистательная свита
Прекрасных загорелых «ланселотов»,
Без лат они, но разве в этом дело,
Они тебя ухую угощают,
И фотоаппараты их стрекочут.

А вечером тебе поются песни,
Река блестит, как лезвие ножа,
И тот, который самый интересный,
Пойдет тебя до дома провожать...

Внезапно поезд мой затормозил,
Девушка скрылась, лишь один художник
Сидит все в той же отрешенной позе
И так же эспаньолку теребит.

На нем надет потрепанный пиджак,
Художник, видимо, не избалован славой,
Скорей всего он просто неудачник,
Но думаю совсем я о другом.

Мне хочется, чтоб был он знаменитым,
Дерзил, был весел и писал картины,
С которых белокурые девчонки
Смеялись бы зелеными глазами,
Шальными и неверными глазами,
Чтоб я покоя никогда не знал.

1959

«МАРИЯ»

Баркентина в три мачты —
Как злая мечта,
Дама пиковой масти,
По борту черта,

Разрубила как будто
Канаты времен,
Чтобы встать в эту бухту
На срочный ремонт.

Среди шквала и шторма
Изваяло пространство
Эти легкие формы
В духе непостоянства.

Я сказал стюардессе,
А попросту Жене:
— Я не против прогресса
Морских сообщений.

Белоснежные лайнеры
Очень красивы,
Хоть бы наш
На мозаике
Зыбкой
Залива.

Отчего же мне нравятся
Реи и снасти

Допотопной красавицы
Пиковой масти?

А курносовая Женечка
Разве виновна,
Что, как всякая женщина,
Поняла по-иному

И сказала мне прямо,
Не глядя на снасти,
Что пикóвая дама
Приносит несчастье.

Я в ответ:
— Дело случая,
Только мне из цветов
Приглянулась колючая
Роза Ветров.

И потом замолчал —
Под лучами косыми
Я твое прочитал
Позабывтое имя.

1959

* * *

Народ идет, и дождь идет.
Пьянчуга книги продает.
«Смотрите, новый переплет!»
Никто тех книжек не берет.

И долго слышится одно:
«Любая книга— 2 рубля...»
Как крик последний с корабля,
Которому идти на дно.

1959

ДОМ — ПАРОХОД

Настоящий дом — пароход,
Архитектора странная прихоть.
В нем старик капитан живет.
Он по лестнице ходит тихо.

Пароход,
Но все-таки дом,
Не знаком ему привкус соли.
По соседству с Садовым кольцом
Он с рожденья
Стоит на приколе.

Мостик пуст,
И гудок молчит.
Только ветер шумит в антеннах
Да закатного солнца лучи
На стеклянных бесчинствуют стенах.

...Но однажды
В сырой листопад
Дом огнями засветится дерзкими.
Позывные во тьму наугад
Голубыми запляшут всплесками.

И туда,
Где плещут моря,
Что покой капитана отняли,
Задымив и подняв якоря,
Дом с фундаментной снимется отмели.

Он кварталы пройдет как таран,
И пространства тугие вспорет
Для того, чтоб старик капитан,
Умирая, увидел море.

1959

НА МАНЕВРАХ

Ночные ученья. Карпаты
От дальних раскатов гудят.
По первому году солдаты
Согнувшись в окопах сидят.

Саперам проделать проходы!
Кусачки железо грызут.
Ребята из нашего взвода
Сырою низиной ползут.

Намокли у них маскхалаты.
Привыкли глаза к темноте.
Нет, это уже не ребята.
А если ребята — не те.

Став за ночь суровой и старше,
Встревожим мы в сто голосов
Мотивом старинного марша
Покой галицийских холмов.

1959

* * *

Я полз по болоту.
Болотом ползла вся рота.
Встретили роту,
Как водится, пулеметы.
И комары.
Комарам война не мешает.
Сапоги малы.
Зато пилотка большая...
Жив останусь —
С кем-нибудь обменяюсь...

1959

Дикарь-интеллигент,
Ночная птица,
Опять тебе
И зябко, и не спится.

Не в поисках ночлега
Или пищи
Не по лесу,
По городу ты рыщешь.

Ты от своей бежал
Библиотеки,
Где столько споров
О двадцатом веке,

Таким тревожном
С нашей точки зренья,
Как вместе три
Эпохи Возрожденья.

Ты кутаешься на ходу
От ветра,
Нигде не находя
Себе ответа.

И разум твой,
Как язычок свечи,
Колеблется,
Колеблется в ночи.

1959

НАБЛЮДАЯ ИГРУ В ДОМИНО...

Мужское дело на бульваре
Читать газету и стучать костями.
И вовсе не мужское это дело
Решать серьезные вопросы.

Пусть женщины — хранительницы рода,—
Собравшись вместе, взвесят все разумно
И разрешат судьбу Войны и Мира!
...Мужчины пусть в тени
Играют в кости.

1959

* * *

Жизнь счастливая,
Жизнь несчастная —
Дело личное,
Дело частное.

На бульварах народ
Еще есть.
Куда он денется
Весь?

Я люблю этот город ночной
И листья, набухшие свежестью,
Когда запоздалый прохожий со мной
Говорит с утонченной вежливостью.

1960

* * *

Яркий купальник у вас,
В волосах металлический нимб.
Вы из распространенной породы нимф.
Море утихло,
Ему надоело плескать,
Мы с вами строим замок большой
Из песка.

Наверное, скоро
По собственной охоте
Я уеду куда-нибудь
На пароходе.

И когда он от берега
Отвалится грузно,
Целый день мне будет одиноко
И грустно.

А потом будет море,
И ветер обязательно будет,
И корабли
Одинокие, как люди.

1960

1

Когда дела забросить
Вдруг одолеет блажь,
Вас ждет и Майский просек,
И «лягушачий» пляж.

Тут целые Сокольники
Пластом на топчане.
Картишки гнут «соколики»
С наколкой на спине.

Блондинки продавщицы,
Бродяги шофера
С утра мутят водицу
Сегодня, как вчера.

Визжат, воды касаясь,
Раздавшиеся вширь
Фиксатые красавицы
С завода «Богатырь».

И королева пляжа
В свои шестнадцать лет
Идет, как будто пляшет
По тлеющей земле.

Словно сталь из ножен
Полоснула наспех!
«Вариант возможен», —
И сбежала с насыпи,

Гибкая и дерзкая,
В беспорядке волосы,
Представленья детские
У нее о вольности.

А потом растаяли
В трепетанье зайчиков
Женственная талия
И плечи, как у мальчика.

1960

* * *

Достается ялику
На крутой волне.
Ты кусаешь яблоко,
Предлагаешь мне.

Верка, Верка,
В этот зной
Ты нежна, как верба
Раннею весной.

1960

* * *

Наверно, очень многим хочется
Направить дерзкий свой полет
Туда, где параллели сходятся
И время вечное течет.

А век, по сути дела, короток,
Коль не оставлено следа:
Плотин, полотен или города...
(Не все считая города.)

1960

* * *

На самом «дохлом» поезде,
Который только есть,
По направлению к полюсу,
Ташусь куда невесть.

Зеленые вагоны,
Набитые битком,
Жуют неугомонно,
Запивая кипятком.

А я — как бы с пожарища,
И скромный мой бюджет —
Напутствие товарищей
И пачка сигарет.

Я погляжу на столики
И закрываю рот.
Ведь были раньше стойки —
Выносливый народ.

Лежу себе покойником,
Готовым в лучший мир.
Вот, говорят, спокойненький
Хороший пассажир...

1960

ВЕРХОЛАЗЫ

На сопряжениях ажурных
Под облаками
Вы не в новехоньких тужурках,
Как на плакате.

Домой идете в чем получше,
А тут заплаты.
Не против погулять с полочки,
Верней, с зарплаты.

Но серебристая антенна
Буравит небо!
Вы над Землей, где у Антея
Шалили нервы.

На высоте у полубога
Тряслись коленки.
А вы в безбрежье голубого —
В своей тарелке.

1960

* * *

Как после долгого купанья,
Продрогнув весь,
Я — в веселящейся компании
И пью, что есть.

Но вот сквозь сумрак папиросный,
Сквозь шум и смех
Ты появилась очень просто,
Как будто снег.

И словно по законам сцены
Подвинут круг:
Другая ночь, другие стены
Возникли вдруг.

Потрескивающей лучины
Неяркий свет.
И версты те, что залучили
Сюда твой след.

1960

Тепло в квартире коммунальной —
И все же мне невольно.
Мир покидаю капитальный
И пропадаю в темноту.

В ней рыбы плоские немые
Глазами шарят там и тут
И анемоны анемии
На шпильках тоненьких цветут.

А рядом спутники их в черном
И тонколики и бледны.
На бледных лицах утонченных
Следы усталости видны.

И все захвачено теченьем
В зеленоватой полумгле.
И нету больше ощущенья,
Что ты шагаешь по земле.

1960

* * *

Осеннее цветенье.
Осеннее смятенье.
Желтея и алея,
Безумствует аллея!
Последний бал сезона,
Шагаю вдоль газона.
Кругом костры чадят —
Упавших не шадят.

1961

* * *

В галошах валенки.
Тонка шинель.
На Нижней Ваянге
Не снег — шрапнель...

1961

* * *

За линией города
На свалке,
Где пламя ржавчины
Охватило металл:
Спиральные стружки,
Фигурные вырезы газосварки,
Чайник без носика,
Коленчатый вал,—
Я увидел двух мальчиков
Лет по десять.
Далеко разносились
Их грозные вопли!
Они копались
В ржавом железе
И не заметили,
Что я возле.
Один нашел щит,
Залатанный оловом,
Другой размахивал
Саблею новой.
И никому из них
Не приходило в голову
Играть в бухгалтера
Или портного...
А я вспомнил:
Высокие стебли
Северных трав,
Холод бомбоубежища,
Где пахло луком,

И голос мальчишки:
«Защищайтесь, граф!»
И свой ответ:
«Милорд, я к вашим услугам!»
Мы заряжали самодельный пистоль
С тяжелой свинцовой ручкой,
Над нами светило синее солнце,
И было неизвестно, что впереди.

А теперь я иду по городским задворкам,
И нет ничего воинственного в моем облике.

1961

* * *

Какая выдалась весна!
Плыл воздух. Лязгали вагоны —
Трамвай гремел по Миллионной,
Нагретый будто докрасна.

Булыжник грезил о дожде.
Земля потрескалась от зноя.
Церквушка с выпушкой резною
Звала старух к святой воде.

В окне успел я рассмотреть
Платочки их вдоль Миллионной:
Они тянулись монотонно —
Две трети белых, черных треть.

Черствели в сумках куличи.
Засох, не распусаясь, кустарник.
И на процессию пожарник
Глядел с кирпичной каланчи.

1962

* * *

У крутого обрыва
Себя я казню,
Что гляжу боязливо
На его крутизну.

Про себя повторяю
Который уж раз:
Что-то я потеряю,
Не съехав сейчас.

Будет стыдно и горько
По прошествии дня,
Что стоит где-то горка,
Да не про меня.

1962

* * *

Когда я тебя увижу,
К тебе я спешить не стану,
Я тихо пойду навстречу,
Задумчиво улыбаясь.
Иначе тебя спугну я —
И ты опять растворишься
В осенней сумятице улиц
И маскарade лиц.
А доктора мне скажут,
Что надо глотать таблетки
Что надо не волноваться
И соблюдать режим.
Когда я тебя увижу,
Я тихо пойду навстречу,
Задумчиво улыбаясь,
И не стану спешить.

1962

* * *

Я бухгалтер этой Осени.
Листья падают в казну.
А на Пионерском озере
Клонит лебедя ко сну.

Ты расплачешься на озере,
Я скажу, что это чушь.
Золотым запасом осени
Я с тобою расплачусь.

1962

И. Френкелю

Мне на плечи давят доспехи.
Забрало дышать не дает.
— Вы начали делать успехи,—
Сказал мне сеньор Дон Кихот.

— Нас подвиги ждут и турниры,
Настанут прекрасные дни! —
В ответ заскрипели шарниры
Моей старомодной брони.

Светило склонялось устало.
Задумчив у рыцаря взор —
Домашние туфли, пожалуй,
Удобней заржавленных шпор.

Пред нами лежала дорога
Сомнительных горьких побед
Длиною почти что до бога,
Которого, кажется, нет.

1963

* * *

О чем кричит водопровод,
Ночное разорвав молчанье?
Неразрешенное мычанье
Железные сосуды рвет.

Я знаю боль, она близка мне.
Я где-то слышал этот крик.
Мой дом как существо из камня,
Давно зашедшее в тупик.

А дальше что? Придет на смену
(Как предсказал один чудака,
Любви не знавший и измены)
Набитый мыслями чердак.

О четырехугольный ящик!
Коль не успею умереть,
Я буду, словно звероящер,
В глаза зеленые смотреть.

Он все поймет, и все рассудит,
И бесконечность обоймет.
И только счастлив вряд ли будет
Он оттого, что все поймет.

1963

Я люблю вас, люди! Вы хорошие.
Оглянитесь, люди, на себя:
Вы — как альпинисты с тяжкой ношею
На вершину лезете, сопя.

Временами муторно, несладко —
Хлещет ливень, стелется туман.
Только снова скатана палатка,
Снова неба матовый экран.

Это наша горькая удача —
На вершину лезть, дерзать и сметь!
Не карабкаться нельзя! Иначе
Неподвижность, косность, то есть смерть.

Не сгибайтесь под тяжелой ношею
И друзей старайтесь поддержать...
Вы поверьте в то, что вы хорошие,
Будет легче на Земле дышать.

1964

* * *

Мой автобус по лужам катит,
Веер брызг, будто это катер!

И, представив, что тенор он,
Напевает шофер в микрофон.

А деревья, спавшие глухо,
Вдруг цыплячьим покрылись пухом.

И душа моя вновь ясна,
Чтоб там ни было, есть весна!

И бульжник до Красной Пресни —
Словно ритм молодежной песни.

1964

* * *

Под солнцем яростным, однажды
Порожний бросив котелок,
В степи, что треснула от жажды,
Найду ли я воды глоток?

Иль с отвратительным оскалом
Я упаду, судьбу кляня,
На радость маленьким шакалам,
Что воют на исходе дня.

Нидерланды. Шестнадцатый век.
Вернисаж. Пол натерт до блеска.
Все спешат (исключая калек)
Посмотреть на Хенри де Блеса.

Говорят, он пишет чудно,
Что-то есть в нем потустороннее.
Привлекает всех полотно
«Искушение святого Антония».

Что ж, затасканный вроде сюжет.
Только вместо пурпурной гаммы
Неожиданно черный цвет,
Как провал за пределы рамы.

Был к суду привлечен де Блес.
Судьи, пряча под мантией панцирь,
Восклицали: «Сидит в нем бес,
А стране угрожают испанцы!»

Лишь спустя четыреста лет
Появилось такое мненье,
Что пугающе черный цвет —
Результат ненормального зренья.

Браво, доктор! Хвала уму!
Спит де Блес под зеленой травкой...
Как могла бы помочь ему
Запоздалая ваша справка.

Государственный спит совет.
Спят доносы и подозрения.
Жив шедевр — ненормальность зренья
Все нормальны, а толку нет.

1964

ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

Вела на кладбище дорога.
Был пасмурный осенний день.
В ушах — обрывок диалога:
«...Ты теплое белье надень...»

За гробом шли не очень дружно,
Шли, незначительны числом,
Шли только потому, что нужно,
Злясь, что расстались с теплом.

А ветер, что же он затеял!
Дождем смочил кому-то плешь
И под конец совсем рассеял
Весь жалкий траурный кортеж.

Поспешно закрывались двери.
Гремел не то чтоб сильный гром.
За гробом шел один Сальери
И под дождем стоял потом.

1964

* * *

Вам трудно. Я вас понимаю.
Всю ночь вы не сомкнули глаз.
Сидели, голову ломая,
Наверное, в сто первый раз.

А ранним утром, утомленный,
Усталость поборов едва,
Вы говорили убежденно
Пустые важные слова.

Как незавидна ваша участь.
Поверьте: право, не шучу.
Доколе же себя вам мучить?
Найдите дело по плечу.

1965

* * *

Рассеян свет висячей лампы.
Неясны контуры в окне,
И даже ритм бразильской самбы
В тот миг совсем не близок мне.

А я гляжусь в блестящий чайник,
И на поверхности его
Меня волнует чрезвычайно
Забавнейшее существо.

Как жерла ноздри, щеки гладки,
И плотоядно рот разъят,
И где-то на макушке глазки,
Как две горошины, сидят.

1965

* * *

Поэт — кудрявое дитя,
То вспыльчив и амбициозен,
То опереточно серьезен,
Он прожил жизнь как бы шутя

В другом совсем иная суть:
Пророк, седой упрямый старец,
Он наготове держит палец,
Чтоб указать к спасенью путь.

Что общего в них? Ничего.
Лишь царская к обоим злоба.
Но высятся ведь рядом оба
В лучах величья своего.

1967

НА БЕРЕГУ

Дождлив июль. На волжском плесе
Опять безрадостный денек.
Он, как подагрик, еле плелся,
Дойти до вечера не мог.
Природе свойственны огрехи,
И в подтвержденье этих слов
Глядело солнце сквозь прорехи
Бегущих мимо облаков.
Ввиду условий чрезвычайных,
Чтоб вместе время скоротать,
Собрался круг друзей случайных.
Мне остается их назвать:
Вот резкий загорелый профиль,
Притом уверенность манер,
Типичный с виду Мефистофель,
А в жизни — старший инженер.
Презревший с детства физкультуру,
Задумчив Гамлет (бросил пить),
Он не развил мускулатуру,
Все думал — быть или не быть.
В тени двух названных «гигантов»,
Неладно скроен, крепко сбит,—
Крепыш. Он делал вид, что спит,
За неимением талантов.
И девушка нежна, прелестна
Едва расцветшей красотой,
Какой-то хрупкостью телесной,
Волос копною золотой.

Держал все нити разговора,
Конечно, Мефистофель. Он
Красноречивым был без спору
И обо всем осведомлен.
— Да, да! Хоралы Монтеверди!
Какая сила в них слышна,
Проблема бытия и смерти
Рельефно в них отражена...
А вы футбол глядели нынче?
Как слева подавал Гарринча!
Спортивной честью дорожим,
Но все ж Пеле неудержим.
И вы не знаете Макуху?!
Уж скоро год известен он
Цивилизованному слуху
Как самый лучший саксофон...—
Был Гамлет вял, слегка скептичен,
Поглядывал куда-то вдаль.
Футбол ему был безразличен
И музыкальный фестиваль.
«Душа в девчонке не проснулась,
Она не ведала утрат.
Коль пламя крыльев не коснулось,
Пока что — полуфабрикат»,—
Так думал он. Она смеялась,
Ей было ведомо свое.
Прическа пышная склонялась
К коленям сомкнутым ее.
— Поэты непереводимы.
Литературный институт
Закреть давно необходимо,
Ведь в нем таланты не растут...—
А принц, печален и скептичен,
Заметил вяло, как всегда:

— Не слишком ты категоричен?
Тебя не приняли туда?
— Смотрите, сверху что-то каплет...
— Да мы же под дождем сидим! —
В бильярдную подался Гамлет,
И Мефистофель вслед за ним.
А девушка... Она осталась.
Был теплый дождь ей нипочем.
Она, зажмурясь, целовалась
С повеселевшим крепышом.
В ней победил инстинкт прабабкин,
Живущий где-то в глубине.
Темнело, и светился бакен,
Покачиваясь на волне.

1968

* * *

Я вспоминал о том, что было
Со мною много лет назад.
И память живо сохранила
Тех дней весенний аромат.

Но где тот мир? Куда девался
Со всем укладом заодно?
Как пепел, истончась, распался
Иль на морское канул дно...

1969

* * *

Мне кажется, что я оглох,
Сосредоточен и взволнован,
Захвачен исподволь, врасплох
Каким-то ощущеньем новым.

Мне кажется, что я ослеп,
Сквозь стены начинаю видеть,
Презрев на миг насущный хлеб,
Тебя не думая обидеть.

Не переделаны дела,
Секунды гибнут, поспешая.
Тетрадь раскрытая бела,
Как будто бабочка большая.

1969

Все заботы нынче мне
Кажутся пустыми.
Съежась, кактус на окне,
Грезит о пустыне.

До пустыни тыщи верст.
За окошком снежно.
Соскребают белый ворс
Дворники прилежно.

В магазинах толкотня —
Завтра будет праздник.
Еще радует меня
Вид закусок разных:

Сыр в слезах и ветчина
Нежная, как роза...
Запотевший штоф вина —
Только что с мороза.

Кактус мерзнет на окне
Весь в колючках жалких,
Пребывая в полусне
В южных странах жарких.

Так и я совсем оброс
Редкою щетиной,
Озабоченный всерьез
Этакой картиной:

Я в горшке среди земли
И под слоем пыли.
Веселиться все ушли,
А полить забыли.

1969

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Торговля бойкая идет
Во храме.
Прошит людской водоворот
Ворами.

И побирушки у дверей
Убоги.
Не помнит гладкий фарисей
О боге.

Когда-то, истов, и устал,
И бледен,
Он столько долгих отстоял
Обеден.

Прозренье позднее пришло
Недаром
И душу медленным сожгло
Пожаром.

Кричит, волнуется базар,
Тревожит.
И каждый хвалит свой товар,
Как может.

Итак, да здравствует живот
И глотка!
Походкой знойною зовет
Красотка.

Туда, где бьет вино струей
И песни.
И скрыты признаки дурной
Болезни.

Где клячат деньги за любовь
И прячут,
Где продаются вновь и вновь
И плачут.

От слез горючих отупев,
От боли,
Считают: мир — лишь грязный хлев,
Не боле.

Всемирный царствует живот
Над нами.
Торговля бойкая идет
Во храме.

1971

СНЕГОПАД

До чего снегопад обильный —
Обвалилась с неба гора,
Все укрыв белизной стерильной.
А сегодня сине с утра.

Тишина стоит, как в деревне.
Как тяжел ты, воздушный снег,—
Раны белые на деревьях,
Словно здесь прошел дровосек.

Может, гибли ветки сухие,
Жизнь которых давно прошла?
И не рубка то — хирургия,
Что во благо, а не со зла.

Сам себе я задачку задал:
Угадать — где добро, где зло.
Ну а снег? Он, чистейший, падал,
Потому что время пришло.

1971

* * *

Лежу на солнце, не щажу
Свою изнеженную спину,
Как будто море сторожу,
Обуглившись наполовину.

В воде медуз осклизлых сгустки —
Как плохо сваренный кисель,
И, аскетичный по-индусски,
Вадим Черняк спешит на мель.

С отвесных скал свисает зелень,
Как шерсть, покрывшая хребет.
Жизнь торжествует среди расселин,
Незанятого места нет.

А то, что кажется безлюдным.
Верней — безжизненным, поверь,
Живет подпольно и подспудно,
Как створки, закрывая дверь.

1972

* * *

И день прошел. Длинной в полжизни день!
Тянулся он замедленно, тягуче.
Все небо ватой обложили тучи,
А существо мое сковала лень.
И явственней представилась тщета
Трудов моих, бессмысленных каракуль.
Но где, какой предскажет мне оракул,
Подведена ль последняя черта?
Необходимость управляет мной.
Мне слышится ее железный скрежет.
Не будь ее, безделие изнежит
Губительно. За дело, милый мой!

1972

* * *

Поэты — что карты в колоде
В трясущихся пальцах судьбы.
Копайся всю жизнь в огороде
Иль будь в самом пекле борьбы,—

Пойми, стихотворец, не это
Решит твой последний расклад.
Волчком пролетает планета
Меж тучных Тельцов и Плеяд.

А там, где кончаются сферы,
Глазами порядком слаба,
С кривою улыбкой Вольтера
Пасьянс разложила судьба.

1972

ИЗ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА XVIII ВЕКА

I

Нет каторжной заняты,
Чем сочинять стихи.
Оно как бы проклятье
За прошлые грехи.

Где заблужденья юные —
Как пенное вино?
К ноге ядро чугунное
Приковано давно.

II

Дорога пыльная моя
Ведет в каменоломню.
С такою жизнью свыкся я,
Другого я не помню.

И слава богу. Но когда
Во сне своем тяжелом
Я смутно вижу города
В мелькании веселом,

Мне беспокойно. И всю ночь
Верчусь я с боку на бок.
Зачем я здесь? Виденья прочь.
Я сплю на груде тряпок.

А утром я пылю опять
В обычном направленьи,
Стараясь не припоминать
Неясные виденья.

1972

* * *

Думал я о тебе, о себе.
Думал я о судьбе,
Назови ее рок или случай.
Нету сна, и в глухой тишине
Звон какой-то во мне,
Ты подвинься, послушай.
То небесные сферы звенят.
Случай кости старинные мечет.
Что там — чет или нечет?
А вокруг хоровод чертенят.
Вот погнались за мной,
На Миусах залезли в троллейбус.
Неба звездная тайнопись, ребус
Над практически плоской землей.

1972

* * *

Мороз крещенский лютовал.
Трещали по ночам обои.
Над крышей диск луны сиял
Физиономией рябою.

Воспринималась трескотня
В неясном и тревожном свете,
Как будто ты попался в сети
И сумрак комнат — западня.

Сочился холод сквозь окно,
И штора двигалась несмело...
Ну что же, я готов давно
К такому обороту дела.

Кончайте! Только поскорей.
Ну что вы топчетесь в передней?
Но вот из комнаты соседней
Раздался смех и скрип дверей.

И тени в перепонках крыл,
Живущие в зловещих башнях,
Отпрянули, их словно смысл
Негромкий разговор домашних.

1973

* * *

Вдоль Обводного канала
В тусклом свете фонарей
Ты со мной тогда гуляла
В шляпке фетровой своей.

На груди цветок увядший
Так беспомощно белел.
Это видел встречный каждый,
Я увидеть не умел.

Мне б тебя до подворотни
До ближайшей довести...
Что ты вспомнилась сегодня?
Коли можешь, так прости.

1973

ОКТЯБРЬ

Рыжие просеки,
Опустошенные осенью.
В их глубине
Пустые аквариумы кафе,
«Стекляшки»,
Где еще недавно пенилось
Чешское пиво,
Аттракционы
Неподвижные и потому непонятные,
Как машины иных миров.
Вот длинный железный рычаг
На оси закреплен,
Сиденье с привязанными ремнями
На его свободном конце.
Для чего эта катапульта?
А вот
На двадцатиметровых опорах
Укреплено
Громадное велосипедное колесо
С корзинками на ободе.
Нет людей,
И кажется, что все кончено.
Я один
Иду без цели по опустошенным просекам.
Под ногами обрывки газет,
Все то, чем вчера жила планета,
Сплющенные стаканчики
И цветная оберточная бумага.
Откуда столько бумаги кругом?

Вдруг издалека
Сквозь шум жестяной опадающих листьев
И ржавые заграждения кустов
Донеслось
Легкое постукивание тамбуринов,
Потом бормотанье —
То ли заговор против порчи
И недоброго глаза,
То ли напев
О глянце оливковых тел
На оранжевых песках побережий,
О пальмах —
Больших цветах на деревянных ножках...
Я подымаюсь по лестнице.
Ободранный амфитеатр
Искусственного катка,
Внизу
Голубое пятно льда,
А на башне часы,
На которых все время двенадцать.
Из ритма,
Из листьев летящих,
Из лучей заходящего Солнца
Возникла женщина.
Тело ее
Совершенно, как амфора.
Она танцует,
И танец ее порывист и нежен,
И тысячелетия бьют в медный гонг
Над ее головой.
Кокетливая, крашенная,
Двигается легко.
Пелеринка красная,
Черное трико.

Я слежу за росписью
Голубого льда.
Я сижу над пропастью
И падаю туда.
...Что из того,
Что это только осень в Сокольниках
И тренировка фигуристки
Под магнитофонную пленку.
Ведь я поверил,
Что смерти нет.
А остальное
Разве имеет значение?

1961—1973

* * *

Я отрешиться не могу
В тот миг, когда соврать не смею,
Извилины в моем мозгу
Как будто сросшиися змеи.

Когда настанет страшный суд
И суть людская обнажится,
Кривые мысли поползут,
Как змеи из-под черепицы.

1975

* * *

Как примирить в себе сей мир,
Что распадается на части?
Окончен олимпийский пир,
Где грубы и понятны страсти,

Где воздух как нектар густой,
Очерченные мягко склоны
И элина душевный строй —
Как храма древнего колонны.

1975

* * *

Где ярилась река в половодье,
Неподвластная воле ничьей,
Через скудные наши уголья
Протекает негромкий ручей.

Словно талые вешние воды,
Отзвенели и в землю ушли
Золотые веселые годы.
Я такими их вижу вдали.

Так лучи преломляются в призме.
Да и что в той дали различишь?
Если не было радости в жизни,
Поневоле ее сочинишь.

1975

* * *

Магистральная тема —
Грохочет состав
Неуклюжей поэмы
Из множества глав.

Знаки слева и справа...
И даль так ясна.
Впереди у состава
Дорога одна.

Громыхающий эпос,
Под тяжестью лет
Не утратил ли крепость
Твой жесткий хребет?

Груда ржавого лома
Быльем порастет.
А над ним невесомых
Стрекоз хоровод.

1975

* * *

Отчизну забывать грешно.
Но признаваться ей в любви смешно,
И делать это так велеречиво,
Что хочется сказать:
— Не говори красиво...
Ты матери, вскормившей молоком,
О чувствах не твердишь,
Бия в грудь кулаком?
К такому часто прибегают средству
Лишь те, кто хочет отхватить наследство...
Любовь стыдлива, прячется меж строк,
Чуть что — закроется, как пред грозой цветок.

1975

* * *

Кому томленье духа не знакомо,
Когда не в радость все, хоть волком вой,
И неохота нос казать из дома,
А лучше — так укрыться с головой.

Бывает повод просто смехотворен,
Но это только лишь на первый взгляд,
Причины мощный узловатый корень
Пронизывает с головы до пят.

Природа все же мудрая старуха.
Все на учете. Нрав ее суров.
И мы обязаны томленью духа
Прозреньем гениальных мастеров.

1976

РАВНОДУШНЫМ

Приложенье читали воскресное?
Сообщение в нем интересное:
Впала в сон летаргический женщина.
Пролегла через жизнь ее трещина.
Двадцать лет, два десятка без малого
Время этого сна небывалого.
Но рефлексy остались, и спящая
Ела пищу (почти настоящую).

А теперь я спрошу риторически:
Уж не спите ли вы летаргически?
Вы жуете и пьете с прилежностью,
Но душа ваша спит в безмятежности.
В забытье ваша совесть покоится,
На чужую беду не наколетя.
Все боитесь чего-нибудь лишнего
Передать — не дай боже! — для ближнего
В неизменном своем равнодушии
Голос темных инстинктов лишь слушаю.

...В медицине успехи заметные.
Разбудили ту женщину бедную.
А у вас летаргия не кончится.
Пробуждаться, как видно, не хочется.

1976

* * *

Нет ничего у меня за душою.

Пуст.

Словно продрогший холодной зимою

Куст.

Веток, колеблемых ветром, стеклянный

Звон.

Переплетенье теней — точно странный

Сон.

Где же тепло твое, пусть предвечерний

Свет?

Или его на равнине безмерной

Нет...

1976

* * *

Глаза закрою, не дышу —
И все отчетливее вижу:
В канат вцепился и вишу,
От крепости его завишу.

Немеют пальцы и спина,
Темна, как ночь в июле, пропасть,
Бездонна и мертва она,
Заглянешь — и охватит робость.

Не робость, а звериный страх —
Защита, данная с рожденья,
Хоть всем известно — в тех горах
Никто не избежал паденья.

...Глаза открою: я в гостях
Иль дома и беседа льется.
Царит покой. Да вот пустяк —
Канат о гребень острый трется.

1978

СПОРТИВНАЯ ГИМНАСТИКА

Ведь это же фантастика,
Возможного границы!
Спортивная гимнастика,
Как юны твои жрицы.

А приглядеться пристально —
В них нет почти что плоти,
И существуют истинно
Они в прыжке, в полете.

От разноцветных бантиков
На вас повеет школой.
Вновь лайнер над Атлантикой
Несет их сон тяжелый.

И снова многолюдная
Толпа и репортеры.
Как жаль, что слава трудная
Закончится так скоро.

Мигает электроника,
Мелькают чьи-то лица...
В коробках кинохроника
Забывтая хранится.

1978

* * *

Меня сопровождает боль,
Куда бы я ни шел.
Я говорю ей: хлеб да соль,
Когда сажусь за стол.

А ночь придет — терпеть изволь,
Спокойствие храня.
Калачиком свернется боль
Под боком у меня.

1978

* * *

Темной ночью ломил он стеной,
Дерева выворачивал с корнем,—
Этот ветер лохматый степной,
Неподвижностью сонною вскормлен.

Утром из дому ринешься ты
В ясный холод осенней печали,
Лишь едва затрепещут листья,
Что вчера тебя шумно встречали.

О кладбищенский запах земли,
Чернотой зияющей свежей!
Неуклюжие ветки легли
На дороге, на части проезжей.

Деловито топор зазвенит,
В ствол дуплистый врезаясь с размаха.
Боль твоя устремится в зенит,
Как отныне бездомная птаха.

1978

* * *

Боль опять.

Ночь не спать.

Напиши-ка стихи про разлуку.

И враскачку размер смеляковский поможет тебе,

Итобы за душу взяли они, как слепой

в переходе под руку,

И слышался вой в старом доме,

в оставленной всеми трубе.

Почему смеляковский? Не будем считаться.

Им писали давно. Ярослав еще

бегал мальцом.

Написать бы вот так, чтоб нельзя было

не зачитаться,

И молчанье потом в две руки,

как в оправу, уткнулось лицом...

Почему про разлуку? Быть может, случайно.

Иретковения камень, нелегкая тема,

споткнешься — и в землю ничком.

Смотрят в память людскую

столько глаз бесконечно печальных

звезд, наверное, меньше на небе ночном.

Ну-с, так вот про разлуку.

Остальное — вступленье, не боле.

Как сказать, сокровенные выдал слова.

И считаю, разлука — избавленье от боли,

Обретение боли, ты скажешь — и по-своему

будешь права.

Только я не о том. Одиночество ведь не разлука.

Если в память глядят те глаза, если силятся руки
обнять,

Это мука — но сладкая, сладкая мука,
Все, что было с тобой, никому у тебя не отнять.
Жизнь пронизана болью: это судорога сладострастья,
Упоенье — в бою или как там еще...
Как приятно к любимой приехать, гордясь перевязью,
Если пуля слегка лишь задела плечо.
Ну, а если в живот? Безобразные корчи.
Но на этом покончим, к чему ворошить.
Пусть покажется жизнь тебе горького горше.
Он расстался с тобой, ты с ним — нет. Надо жить.

1978

* * *

Пианино бренчит за стеною.
Методичен незримый палач.
Ну сыграл бы он что-то иное,
Но долбит все одно он,
Хоть плачь.

Словно бьют по виску молоточки
Неуклонно в порядке одном.
Я дошел, так сказать, уж до точки
И ударить готов молотком.

Но смирился в одно из мгновений.
Потерпи, ведь дожил до седин:
И тапер, и прославленный гений
Путь печальный проходят один...

19 ноября 1978 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Славин. <i>Вместо предисловия</i>	5
---	---

I

«За февралем, как за холмом...»	9
«Полярный круг железным обручем...»	10
«Вхожу в прохладные подъезды...»	12
Воспоминание о Летнем саде	13
«Перья, кисти...»	14
«Художник Каналетто...»	15
«Теперь стихом свободным расскажу...»	17
«Хвала учителям...»	19
«На глаз искривлена...»	20
«Пишите, юные поэты...»	21
«Есть слова на бумаге...»	22
«Таврические звезды низко...»	23
«Вулкана зúбчаты края...»	24
«По направленью к Феодосии...»	26
«Над Святою горою курится туман...»	27
Деревья	28
«Рыжая осень. По склонам...»	29
«Возле темной Яузы...»	30
Петровский парк	31
«Есть игра: угадайте — кто я?..»	32
«Вы верите в переселенье душ?..»	34
«Солнце выкатилось яро...»	36
«Цветок что багряная рваная рана...»	37
«Зрачки — два тоннеля...»	38
«Простился лес легко...»	39

«Платиновое солнце...»	40
«Я чувствую себя горой...»	41
Январь	42
«Январь нам возместил сполна...»	44
«Пронизана холодным светом...»	45
«Жизнь проходит незаметно...»	46
«Любите свой очаг...»	47
«У илистой излуки...»	48
«Звон в ушах от тишины...»	49
«Умирают солдаты...»	50
«Этот долг я оттягивал сколько возможно...»	51
«Двадцатилетние гиганты...»	52
«Век меняется бурно...»	53
Апрель сорок пятого	54
Шампиньоны	56
«А когда мне представился случай...»	58
«Река быстра и холодна...»	59
Жажда	60
Переславль-Залесский	61
«Легла дорога средь полей...»	63
Три стихотворения	
I. Опекун	64
II. Под утро	64
III. Александровская слобода	65
Осень 64 г.	67
Баллада о смычке	69
«Храм в деревне Воронцово...»	72
«Клянешься ты в любви большой...»	74
«Мрачно бродишь по квартире...»	75
«Романтиков великих...»	76
«Поубавился жизни масштаб...»	77
Еще одно воспоминание	78
«Профессионалы... Запах пота...»	79
«Былые сомнения вздорны...»	80

«Нева... На низких берегах...»	81
«Лютеранская церковь и пруд...»	83
«Сел туман белесый на предместье...»	84
«В прямоугольнике окна...»	85
«Теперь доказано на практике...»	86
Гипотеза	87
Стихи, не имеющие ничего общего с реальностью .	88
«Вышел в мокрые деревья...»	92
«Тащит Август корзины плодов...»	93
«Березняк обглоданный...»	94
«Этот сон зеленый неужели...»	95
«Итог. Подведена черта...»	96
Дирижабль	97
«Должно быть, мало витаминов...»	98
«Дух грибной в Минаевском проезде...»	99
«Что б ни было, хуже не будет...»	100
«Монастырь. Бензоколонка...»	101
«Прелесть пустынного парка...»	103
«Был полдень тусклый, словно вечер...»	104
«Если снимешь слой полуды...»	105
Паровоз	106
«Духота в начале лета...»	107
«Не стыдно торговать на рынке...»	108
«Выси бледные светлы...»	109
«Дни, что зайцы,— врассыпную...»	110
«Не кажется ль, что нам пора домой?...»	111
На Вишере	112
«Опять томленье духа...»	113
«Снега метут волнообразно...»	114
«Дни то смутны, то ясны...»	115

II

«Пустеет поля ширь. Колосья сжаты...»	119
«Дрожит, как нищенка, береза...»	120

«Осенний город тихо увядал...»	121
«Я по натуре своей застенчив...»	122
«Улочек кривых запутанный узор...»	123
«Как-то в темной лавке антиквара...»	124
«Бесконечен желтый океан...»	125
«Он ушел в лесные чащи...»	126
Эпитафия	127
«Бьется в окне пчела...»	128
«С высоты седьмого этажа...»	129
«Может быть, доберусь я до истины...»	130
«Заливая окна черной тушью...»	131
«Я вспомнил, как тебя любил...»	132
«Ноябрь на диво ясный и сухой...»	133
«Первый снег, как разведчик...»	134
«Пригласили меня на свадьбу...»	135
«Отчего они не ищут встреч...»	137
«Она уходит в сумерки...».	138
«Холод этого утра...»	139
«Отчего мне всегда тревожно...»	140
«Художник с плоским ящиком для красок...»	141
«Мария»	143
«Народ идет, и дождь идет...»	145
Дом — пароход	146
На маневрах	148
«Я полз по болоту...»	149
Дикарь-интеллигент	150
Наблюдая игру в домино...	151
«Жизнь счастливая...»	152
«Яркий купальник у вас...»	153
«Когда дела забросить...»	154
«Словно сталь из ножен...»	155
«Достается ялику...»	156
«Наверно, очень многим хочется...»	157
«На самом «дохлом» поезде...»	158

Верхолазы	159
«Как после долгого купанья...»	160
«Тепло в квартире коммунальной...»	161
«Осеннее цветенье...»	162
«В галошах валенки...»	163
«За линией города»	164
«Какая выдалась весна!..»	166
«У крутого обрыва...»	167
«Когда я тебя увижу...»	168
«Я бухгалтер этой Осени...»	169
«Мне на плечи давят доспехи...»	170
«О чем кричит водопровод...»	171
«Я люблю вас, люди! Вы хорошие...»	172
«Мой автобус по лужам катит...»	173
«Под солнцем яростным, однажды...»	174
«Нидерланды. Шестнадцатый век...»	175
Вариация на старую тему	177
«Вам трудно. Я вас понимаю...»	178
«Рассеян свет висячей лампы...»	179
«Поэт — кудрявое дитя...»	180
На берегу	181
«Я вспоминал о том, что было...»	184
«Мне кажется, что я оглох...»	185
«Все заботы нынче мне...»	186
Библейский мотив	188
Снегопад	190
«Лежу на солнце, не щажу...»	191
«И день прошел. Длинной в полжизни день!..»	192
«Поэты — что карты в колоде...»	193
Из неизвестного автора XVIII века	
I. «Нет каторжней занятия...»	194
II. «Дорога пыльная моя...»	194
«Думал я о тебе, о себе...»	196
«Мороз крещенский лютова.л...»	197

«Вдоль Обводного канала...»	198
Октябрь	199
«Я отрешиться не могу...»	202
«Как примирить в себе сей мир...»	203
«Где ярилась река в половодье...»	204
«Магистральная тема...»	205
«Отчизну забывать грешно...»	206
«Кому томленье духа не знакомо...»	207
Равнодушным	208
«Нет ничего у меня за душою...»	209
«Глаза закрою, не дышу...»	210
Спортивная гимнастика	211
«Меня сопровождает боль...»	212
«Темной ночью ломил он стеной...»	213
«Боль опять...»	214
«Пианино бренчит за стеною...»	216

Юрий Васильевич Смирнов

ЗНАКИ

М., «Советский писатель», 1980, 224 стр.
План выпуска 1980 г. № 207

Редактор В. С. Фогельсон
Худож. редактор В. В. Медведев
Техн. редактор И. М. Минская
Корректор Т. В. Малышева

ИБ № 2100

Сдано в набор 28.05.80. Подписано к печати 17.10.80. А 06186. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,80. Уч.-изд. л. 5,54. Тираж 20 000 экз. Заказ № 513. Цена 65 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109

Ch

